

Александр Михайловский
Александр Харников

КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ

Крымский излом - 5

Александр Петрович Харников
Александр Борисович Михайловский
Коренной перелом
Серия «Ангелы в погонах»
Серия «Крымский излом», книга 5

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67953350
Коренной перелом: Avtorskie-txt;

Аннотация

Российская эскадра, из конца 2012 года неожиданно оказавшаяся в начале января 1942 года в Черном море на траверзе Евпатории, продолжает свой боевой путь, безвозвратно меняя историю этого мира. Конец июня 1942 года, германское верховное командование готовится претворить в жизнь гениальный план «Блау». Прочитав эту книгу, вы узнаете, как советским полководцам удалось перехитрить гитлеровских генералов и, сдержав натиск военной машины вермахта, еще раз разгромить и уничтожить группу армий «Юг», приблизив Победу на целый год.

Содержание

Часть 17	4
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Александр Михайловский, Александр Харников Коренной перелом

Часть 17 Накануне

1 июня 1942 года, Полдень. Москва, Дача Сталина в Кунцево.

К началу лета 1942 года Москва стала совершенно спокойным, вроде бы и не прифронтовым городом, несмотря на то, что фронт стоял под Вязьмой, всего в двухстах километрах от окраин столицы. Воздушные налеты прекратились совершенно, ибо при стоящей в Кратово авиагруппе ОСНАЗ посылать бомбардировщики на советскую столицу хоть днем, хоть ночью было для командования люфтваффе чистейшим самоубийством. Взлетят русские «Палачи», и всех к чертовой матери посбивают. К тому же после сражения за Брянск и Орел действующее в полосе группы армий «Центр» воздушное командование «Восток» было обескровлено в результате катастрофических потерь. Все новые самолеты и закончившие летные школы пилоты, штурманы и стрелки на-

правлялись Герингом в 4-й воздушный флот, действующий в интересах группы армий «Юг». Встал даже вопрос о возвращении назад в Москву эвакуированных в Куйбышев правительственных учреждений и иностранных посольств. Но Верховный пока откладывал принятие этого решения. «Вот победим на юге, погоним фашиста до Днепра и дальше, – думал он, – тогда и можно будет вернуть всех в Москву».

А основания надеяться на победу были. Советская разведка вовремя вскрыла план фашистов нанести главный удар на юге, и Василевский ежедневно докладывал Сталину о количестве прибывающих в немецкие ударные группировки солдат, орудий, танков и самолетов. Соответственно, строилось и противодействие, усиливалась линия обороны, перебрасывались подкрепления. Генерал армии Жуков, назначенный командующим Центральным фронтом, свирепствовал так, что стоны разжалованных и пониженных в должности и звании страдальцев неслись по всей Руси Великой. Туда, к Жукову, направлялись практически все новые противотанковые пушки, гранатометы, гвардейские реактивные минометы и самолеты-истребители. Против немецкого ударного кулака со всей возможной скрытностью создавался щит, о который этот кулак должен был разбиться как о каменную стену.

Но сегодня Верховного Главнокомандующего занимала не война, а дипломатия и политика. Чтобы выиграть войну, у него теперь есть целое созвездие проверенных другой историей «Гинденбургов»: Василевский, Шапошников и Анто-

нов – в Генштабе; Жуков, Конев, Рокоссовский, Малиновский, Черняховский, Говоров, Горбатов, Ватутин, Толбухин и Федюнинский – на фронтах; Бережной, Катюков, Ротмистров, Рыбалко, Лелюшенко и Лизюков – в танковых войсках; Кузнецов, Ларионов и Головко – на флоте. А к ним – почти двенадцатимиллионная Красная Армия, уже оправившаяся от горечи прошлогодних поражений и уже привыкающая к сладкому вкусу побед. Если эту силу правильно применить, то вермахту не устоять. Победили в ТОТ раз в гораздо худших условиях, победим и теперь. Главное – сделать так, чтобы плоды этой Победы не были украдены у Советского Союза так называемыми союзниками по коалиции, и не пропали бы втуне, как это случилось ТОГДА.

Именно сейчас, в эти дни и часы, должен был решиться вопрос послевоенного мироустройства, и решить этот вопрос мог только он, Сталин. Британский король-эмигрант Георг VI уже находился в Москве. Через несколько дней для переговоров сюда же прибудет американский вице-президент Уоллес. И, хоть судьба мира будет решаться на переговорах с американским вице-президентом, первая встреча состоится с британским монархом. Пора закрывать операцию «Денеб» и просчитать все дивиденды, чтобы понять, стоила ли свеч вся эта головокружительная авантюра в стиле голливудского вестерна...

Король Георг ехал на встречу с русским вождем, поглядывая на залитые солнцем улицы Москвы через брониро-

ванное стекло посольского «Роллс-Ройса». Народу на улицах было совсем немного для такого большого города: в основном люди в военной форме, старики, и совсем немного женщин. Все остальные, включая четырнадцатилетних подростков, как успел рассказать королю посол в России Кларк Керр, по двенадцать часов в день в две смены работали на военных заводах, прилагая все силы для того, чтобы обеспечить русскую армию, ведущую тяжелую войну, оружием, боеприпасами и снаряжением.

И хоть, как и в Лондоне, по дороге часто попадались зенитные орудия и привязанные к земле аэростаты воздушного заграждения, за те сутки, что Георг провел в большевистской столице, не прозвучало ни одной воздушной тревоги. Небо над Москвой было на надежном замке.

Загородная резиденция советского правителя располагалась в густом лесу, отгороженная от внешнего мира высоким забором. Когда автомобиль с королем проехал через большие ворота, ему пришлось несколько раз объехать установленные поперек дороги большие бетонные блоки.

Гостеприимный хозяин встретил короля на пороге дома (причем сам этот дом, одноэтажный и укрытый в тени деревьев, не произвел на Георга особого впечатления). Он не был похож на древние замки британских аристократов. Да и внутри тоже был обставлен по-спартански просто. Дядюшка Джо, в отличие от скороспелых американских нуворишей, то ли презирал роскошь, то ли не придавал ей большого значе-

ния. Более-менее соответствовал положению хозяина только кабинет с хорошим паркетом, где стоял большой письменный стол, а также мягкие кресла и книжные шкафы, забитые книгами, а на стене висела огромная карта советско-германского фронта. Именно сюда сходились все нити управления страной, ведущей тяжелую изнурительную войну с беспощадным врагом.

Хозяин кабинета жестом пригласил короля присесть в одно из кресел, после чего устроился сам в таком же, стоящем рядом. Переводчик замер за спиной короля.

– Мы сожалеем, ваше королевское величество, о том, что произошло в вашей стране, – после недолгого молчания произнес Сталин. – Как вы уже знаете, мы пытались предотвратить подобный исход событий, но ваши специальные службы, к сожалению, не прислушались к нашим предостережениям.

– Господин Верховный главнокомандующий, – с горечью ответил король, – к моему глубокому сожалению, меня лично о вашем предупреждении проинформировали слишком поздно. В противном случае я смог бы хоть что-нибудь предпринять. Конечно, я весьма благодарен вам за то, что вы организовали спасение и эвакуацию моей семьи. Но хотел бы поинтересоваться, зачем вы это сделали... Ведь между нами никогда не было приятельских отношений. Более того, я всегда позиционировал себя как противника возглавляемого вами всемирного коммунистического движения.

– Покойный мистер Черчилль тоже не был нашим большим другом, – ответил Сталин, – однако нас объединяло главное – желание разгромить нацизм и спасти народы Европы от порабощения. Мы надеемся, что с вашей помощью нам удастся спасти от захвата Гитлером Гибралтар, Мальту, Суэцкий канал и остатки британского флота. Ваше величество, вы согласны со мной?

Король Георг кивнул.

– Вполне, господин Верховный главнокомандующий. Меня беспокоит только то, что безумцы, захватившие власть в Лондоне, все же решат направить на Восточный фронт британские войска, находящиеся сейчас под их властью в Метрополии.

– Мы можем твердо обещать, – ответил Верховный, – что в таком случае все британские солдаты и офицеры, добровольно и с оружием в руках перешедшие на сторону Красной Армии, не будут считаться военнопленными, а немедленно возвратятся под ваше командование. Это максимум, что мы можем для них сделать.

– Спасибо, господин Верховный Главнокомандующий, – произнес король с явным облегчением, – вашего обещания для меня вполне достаточно. Мне даже не хочется называть англичанами тех моих подданных, которые по доброй воле и с оружием в руках будут воевать за Гитлера и его новый порядок. Но мне хотелось бы знать, какие шаги вы планируете предпринять после окончания этой войны по отношению к

моей стране. Для меня это очень важно.

– Ваше величество, – ответил Сталин, – теперь, когда открытие Второго фронта маловероятно даже теоретически, Красная Армия будет вынуждена двигаться на запад, освобождая от Гитлера Европу до тех пор, пока враг не сдастся не будет сброшен в волны Атлантического океана. При этом мы исходим из того, что политическая система Европы в ходе гитлеровской агрессии оказалась полностью разрушена, и теперь ее предстоит создавать заново. Таким образом, дальнейшую судьбу оккупированных Гитлером стран будут решать их народы на прямых, свободных, честных и демократических выборах – разумеется, после того как будут осуждены и поражены в правах те политические силы, что сотрудничали с оккупантами или способствовали тому, что фашистская Германия смогла развязать эту разрушительную войну.

– Господин Верховный Главнокомандующий, – насторожился король, – пожалуйста, поясните – что вы имеете в виду под словами «политические силы, способствовавшие развязыванию войны»?

– Мы имеем в виду тех, к кому летел на переговоры нынешний фактический правитель Британии Рудольф Гесс. Тех, без чьей поддержки не произошел бы нынешний переворот – сказал Сталин. – Судить всех виновных будет международный трибунал.

Выслушав перевод, король задумался.

– Это довольно деликатный вопрос, господин Верховный Главнокомандующий, – наконец произнес он, – политическая система Великобритании складывалась веками, и в ней краеугольным камнем был документ «Магна Карта», ограничивший власть короля волей Парламента. Я согласен с вами в том, что нынешний Парламент себя полностью дискредитировал и не может в дальнейшем выражать волю английского народа. Просто мне не хотелось бы, чтобы в процессе послевоенных выборов хоть как-то ущемлялись права тех политических сил, которые до конца боролись с фашизмом, но в то же время являются противниками коммунистической идеологии, которую я считаю неподходящей для культурной Европы.

– А вот этот вопрос, – усмехнувшись в усы, сказал Сталин, – давайте предоставим решать самим европейским народам, в том числе и английскому. Мы лишь только освободим их от фашизма, выловим военных преступников и их пособников и создадим условия для свободного, прямого и тайного голосования.

– Господин Верховный Главнокомандующий, а как же довоенный статус-кво? – поинтересовался король.

– Вы имеете в виду послеверсальские границы? – спросил Верховный. – Но ведь именно роковые решения, принятые в Версале, и привели к тому, что на территории Европы вспыхнула новая, еще более кровопролитная война. Вы предполагаете, что Японская империя решилась бы напасть на бри-

танские колониальные владения и на Соединенные Штаты, не будучи уверенной в том, что основные силы Британии в этот момент окажутся связанными в ожесточенной бойне в Европе? После этой войны мы должны сделать так, чтобы Европа больше никогда не смогла стать местом, где родилась бы еще одна война.

– Наверное, в чем-то вы правы, господин Верховный Главнокомандующий, – с сомнением произнес король Георг... – Но что по этому поводу скажут американцы?

– А для них, в связи со всеми последними событиями, европейские дела отошли на второй, если не на третий план, – твердо сказал Сталин. – Они все равно сейчас не в состоянии как-либо на них повлиять. Сейчас их больше всего интересует война на Тихом океане и наша возможность открыть против Японии второй фронт в Манчжурии и Корее. Но мы не сможем этого сделать до тех пор, пока не покончим в Европе с Гитлером. Вот вам и вся политическая арифметика, ваше королевское величество. Со своей стороны, как я уже говорил, мы можем гарантировать, что выборы в европейских странах будут прямыми и честными, а мы отнесемся к их результатам со всей возможной беспристрастностью и предоставим законно избранным парламентам и правительствам решать дальнейшую судьбу своих стран.

– Хорошо, господин Верховный главнокомандующий, – произнес король, – я запомню ваши слова. Теперь по итогам нашего разговора необходимо составить какой-нибудь юри-

дически обязывающий документ.

– Я полагаю, что лучше поручить это дело профессионалам, – усмехнулся Вождь. – Пусть товарищ Молотов с нашей стороны и господин Кларк Керр с вашей встретятся и изложат все на четком и понятном дипломатическом языке. А потом мы с вами подпишем этот документ. Ведь если хочешь сделать что-то хорошо, то для этого нужно пригласить специалиста.

– Думаю, что вы правы, господин Верховный главнокомандующий, – сказал король Георг, вставая и показывая тем самым, что разговор на этом закончен. – Спасибо за содержательную беседу, и позвольте откланяться. Наверное, я и так отнял у вас слишком много времени?

– До свиданья, ваше королевское величество, – ответил Сталин, тоже встав с кресла. – Надеюсь, что в будущем мы будем видеться с вами гораздо чаще...

Король уже давно ушел, а Сталин все думал о том, все ли было сделано правильно, и не переборщил ли он с откровенностью. С другой стороны, главная битва на дипломатическом фронте была еще впереди. Через несколько дней в Москву прибудет американский вице-президент Уоллес – и тогда-то и произойдет основная дипломатическая баталия.

3 июня 1942 года, Утро. Тихий океан. Атолл Трук. Якорная стоянка Японского Объединенного Императорского Флота. Штаб соединения на острове Чуук.

Присутствуют:

Главнокомандующий объединенным флотом адмирал Исороку Ямамото;

Командующий линейными силами вице-адмирал Сиро Такасу;

Командующий ударными авианосными силами вице-адмирал Тюити Нагумо;

Командующий разведывательными силами вице-адмирал Нобутакэ Конду;

Командующий передовыми экспедиционными силами вице-адмирал Мицуми Сэмидзу.

Лагуна архипелага Трук, несмотря на свои огромные размеры, была набита кораблями победоносного японского императорского флота, словно бочка сельдью. Одиннадцать линкоров (включая новейший и мощнейший в мире линкор «Ямато» под флагом адмирала Ямамото), шесть авианосцев, семнадцать тяжелых и восемь легких крейсеров, восемьдесят эсминцев и бесчисленное количество судов снабжения, танкеров и транспортов с десантом. Рядом с этой мощью канонерские лодки, тральщики и морские охотники базового соединения выглядели забившимися в угол бедными родственниками.

Последний раз объединенный флот Империи собирался перед исторической битвой при Цусиме. А потому даже матросу первого года службы было ясно, что вскоре произойдет событие столь же эпохального масштаба. Правда, наличие в

соединении десантных транспортов с полнокровной пехотной дивизией на борту наводило на мысль не о линейном сражении, а о десантной операции против какого-то хорошо укрепленного вражеского города или базы. В противном случае не понадобилась бы огневая мощь всех линкоров японского флота разом.

Среди японских морских офицеров ходили различные слухи по поводу дальнейших действий флота и его командующего. Одни говорили, что адмирал Ямамото собирается атаковать Сидней или даже Мельбурн в Австралии. Другие резонно замечали, что в таком случае одной пехотной дивизии было бы явно недостаточно. Вот Новая Зеландия – это совсем другое дело: страна небольшая, сравнительно малонаселенная, и к тому же занимающая важное стратегическое положение для осуществления полной блокады Австралии с востока.

Третьи – в основном из тех, у кого в Новой Зеландии проживали родственники, или те, кто до войны бывал там по долгу службы – возражали, что для Новой Зеландии одной пехотной дивизии тоже будет маловато. Пусть ее население всего лишь два с половиной миллиона, но примерно полмиллиона из них – полностью интегрированные в местное общество воинственные и до безумия отважные маори, чей боевой дух ничуть не ниже самурайского. Так что в случае вторжения императорской армии и флоту грозит затяжная партизанская война в поросших лесом горах. Вот атаковать Сид-

ней или Мельбурн или оба этих города сразу – совсем другое дело. Но делать это следует не для того, чтобы захватить их и открыть в Австралии сухопутный фронт. Нет, напротив, высадившиеся японские войска должны жечь все, что горит, и убивать все, что движется, ради того, чтобы таким способом подорвать экономику южного континента и вынудить Австралию к капитуляции или, на худой конец, к выходу из войны.

Но ни первые, ни вторые, ни третьи не угадали. На что именно нацеливается Объединенный флот, знали только адмирал Ямамото и несколько высших чинов его штаба, разработавших эту операцию в режиме строжайшей секретности. А сейчас, на созванном командующим совещании, необходимо было окончательно прояснить ситуацию.

– Господа, – торжественно произнес адмирал Ямамото, – как вы все уже знаете, Британская империя после захвата ее столицы нашими доблестными германскими союзниками окончательно вышла из игры. И теперь нашим основным и единственным противником на Тихом океане становятся Соединенные Штаты Америки. После успешного захвата Порт-Морсби и исполнения плана RY все наши первоочередные цели в районе Кораллового моря были достигнуты. Пришло время обратить наши взгляды на север.

– Исороку-сама, а разве мы не собираемся добивать Австралию и Новую Зеландию? – вежливо поинтересовался командующий линейными силами вице-адмирал Сиро Такасу.

Адмирал Ямамото машинально погладил пальцами правой руки свою искалеченную осколком русского снаряда кисть левой руки.

– Сиро-сан, – сказал он, – добивать, как вы выразились, Австралию и Новую Зеландию в настоящий момент для нас просто невозможно, поскольку это означает, что нам придется сойти с кораблей и сражаться на земле. А для этого у нас нет ни сил, ни средств. Госпожа армия увязла в Китае, и выделила нам для десантных операций всего одну дивизию. Причем сделала она это с крайней неохотой. Кроме того, если победоносный императорский флот в техническом отношении находится на уровне лучших мировых стандартов, то наши генералы в вопросах тактики и военной техники застряли на уровне начала века и не извлекли никаких уроков из того поражения, которое нанесли им русские три года назад во время инцидента у Номон-Хана. К тому же эти два осколка бывшей Британской империи, оторванные от своей Метрополии и лишённые сил, теперь абсолютно не угрожают нашей «Великой восточноазиатской сфере взаимного процветания», в то время, как американские базы на островах Мидуэй и на Гавайском архипелаге потенциально способны угрожать безопасности островов нашей Метрополии.

– Так значит, Исороку-сама, нашему флоту предстоит атаковать Мидуэй? – спросил командующий авианосным соединением вице-адмирал Тюити Нагумо.

– Совсем нет, Тюити-сан, – ответил адмирал Ямамото, –

наш удар будет нанесен по Гавайским островам – главной базе американского флота на Тихом океане. В случае успеха противник не только лишится остатков своего флота на Тихом океане, но и будет отброшен непосредственно к линии своих континентальных вод. Такой дерзости от нас в Вашингтоне точно не ждут.

– Исороку-сама, а как же остающаяся у нас в тылу американская база на Мидуэе? – задал еще один вопрос Тюити Нагумо.

– О ней не стоит беспокоиться, Тюити-сан, – ответил адмирал Ямамото. – После захвата нами Гавайских островов и уничтожения американского Тихоокеанского флота эта база окажется в полной изоляции, и противник будет вынужден или эвакуироваться, или капитулировать. Расстояние от Мидуэя до ближайших американских аэродромов на континенте больше, чем дальность полета базирующихся там бомбардировщиков-торпедоносцев Б-25, не говоря уже об истребителях. Конечно, захват Гавайев – это далеко еще не победа в войне. Но этот захват, по крайней мере, даст нам возможность расширить периметр безопасности и сражаться на большем удалении от берегов Метрополии.

Ямамото обвел присутствующих тяжелым взглядом.

– Эффект полной внезапности – важнейший фактор успеха спланированной нами операции. Поэтому все, что вы сейчас здесь услышите, является величайшей тайной Империи. Со своей стороны мы всеми силами стремимся создать у

противника впечатление, что наши цели не изменились и по-прежнему находятся в южном направлении. Поэтому, Нобутаке-сан, ваши легкие крейсера и часть эсминцев должны отправиться курсом на Веллингтон и Сидней, с радистами линкоров и авианосцев на борту. Если янки читают наши шифры, то пусть они как можно дольше находятся в блаженном заблуждении. На всех остальных кораблях радиорубки следует опечатать, а несанкционированный выход в эфир приравнять к государственной измене. Как и в прошлый раз, мы должны свалиться на Гавайи внезапно, словно божественный ветер. Только теперь мы уже никуда не собираемся уходить. Наш флот уже неоднократно наносил тяжелые поражения этим заносчивым гайдзинам. Мы должны победить и в этот раз. Хенно тейко банзай!

Когда адмиралы разошлись и Исороку Ямамото остался один, он еще долго сидел за столом, невидящим взглядом смотря куда-то перед собой. Таким своего любимого командующего не видел еще никто из подчиненных. Ямамото не хотел этой войны, и он знал, что ее невозможно выиграть. Любая роковая ошибка могла привести к тому, что его родина разлетится на мелкие осколки, подобно упавшей на пол статуэтке из яшмы. Пока они еще побеждают и неудержимо движутся вперед. Но вскоре начнет сказываться превосходство янки в промышленности и живой силе. Поскольку, государственный переворот в Британии лишил президента Рузвельта возможности принимать участие в европейской иг-

ре, то все его усилия теперь будут направлены на борьбу с Японией.

Важно как можно дольше удерживать его на максимально выдвинутых вперед рубежах. А там будет видно... То ли смерть в бою избавит его, Ямамото, от позора поражения, то ли найдется еще какой-нибудь выход. Пока же его долг – сражаться во славу императора и Японии, сражаться до тех пор, пока к этому есть хоть малейшая возможность.

«Погибнуть за Императора и за Родину – это наивысшая честь для военного человека, – подумал Ямамото. – Цветы восходят в поле, где прошел тяжкий, храбрый бой. И даже под угрозой смерти боец будет вечно верен Императору и его земле. Жизнь и смерть одного человека ничего не значат. Империя превыше всего. Как говорил Конфуций, „можно раздавить киноварь, но нельзя лишить ее цвета; можно сжечь цветы, но нельзя уничтожить их запах“. Они могут уничтожить мое тело, но они никогда не смогут покорить мою волю...»

05 июня 1942 года, Вечер. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Американский вице-президент Генри Уоллес, только что обогнувший на борту бомбардировщика Б-24 половину земного шара, вошел в кабинет Сталина в сопровождении переводчика. Он выглядел встревоженным, утомленным и слегка помятым. Перелет оказался тяжелым, нудным, утомитель-

ным испытанием, ему пришлось довольствоваться местом штурмана-бомбардира – единственного члена экипажа, не нужного в этой миссии. Больше суток они просидели в Гренландии, на базе Туле, пережидая непогоду. Чтобы скоротать время, вице-президент перечитывал папку, в которую были сложены вырезки из газет с репортажами американских корреспондентов с русского фронта, в том числе и сделанные знаменитым Эрнестом Хемингуэем. И эта информация навела его на размышления.

На подлете к Мурманску ему пришлось пережить несколько неприятных минут, когда к хвосту их одинокого «Либерейтора» попытались нагло пристроиться четыре «мессершмитта», о чем их вежливо предупредили с земли: «Американец, у тебя четыре бандита на хвосте». Стрелки уже приготовились открыть огонь, чтобы подороже продать свою жизнь, но все обошлось. Навстречу американскому бомбардировщику вылетела русская четверка на ленд-лизовских истребителях Р-39 «Аэрокобра» – они отогнали разбойников и вроде бы даже кого-то там сбили. Дальнейший перелет до Москвы проходил под истребительным прикрытием и без особых происшествий.

Садился Б-24 в Кратово, на единственном под Москвой аэродроме, имевшем бетонированную полосу подходящего размера. Выгружаясь на негнущихся ногах из самолета, Генри Уоллес увидел не только русские тяжелые бомбардировщики Пе-8 (часть из которых уже была перемоторена на аме-

риканские двигатели), но и несколько фантастических машин такого же размера: остроносых, стреловидных – они были закутаны в брезент и накрыты маскировочной сетью.

Уоллес догадался, что это и есть тот самый знаменитый «ужас люфтваффе», что держал в страхе целые воздушные флоты Германии. Впрочем, если верить мистеру Хэмингуэю, в битве за Брянск и Орел русские обходились почти без их помощи, сумев самостоятельно устроить хорошую трепку асам Геринга.

Тут же, на аэродроме, вице-президенту Уоллесу сообщили, что советский вождь, если у американского гостя появится такое желание, готов немедленно принять его без лишних церемоний.

Потом была недолгая поездка по полупустынным вечерним московским улицам в посольском «Паккарде», затем – встреча с русским переводчиком и недолгое путешествие по гулким кремлевским коридорам. И вот он в самом главном кабинете России: именно отсюда расходятся по огромной стране приказы и распоряжения, несущие волю стоящего сейчас перед ним в середине комнаты невысокого человека с рыжевато-седой головой.

– Добрый вечер, господин Верховный Главнокомандующий, – произнес Уоллес, остановившись в двух шагах от мягко затворившейся за ним входной двери.

– Добрый вечер, мистер вице-президент, – с легкой усмешкой ответил Сталин, разглядывая своего гостя.

«Так вот ты какой, мистер Уоллес... – подумал Верховный, – вроде приличный человек, а в голове – каша из американского капитализма, европейского социализма и русского коммунизма. Да еще в придачу поклонник учения Николая Рериха, что вообще, как выражаются потомки, „ни о чем“. Весь вопрос в том, выгоден ли будет такой президент Соединенных Штатов Америки для Советского Союза. И вообще, сможет ли этот человек стать американским президентом, не наследуя внезапно умершему Рузвельту, а обычным путем – на выборах? В ТОТ раз он не смог, проиграв как Трумену, так и республиканцу Дьюи с разгромным счетом, что вполне ясно показывает истинное настроение американских народных масс. К сожалению, в литературе, которую потомки захватили с собой из будущего, не нашлось никаких подробностей об обстоятельствах кончины нынешнего американского президента. Кровоизлияние в мозг? Три раза „Ха!“. Уж больно своевременно случилась тогда та смерть – всего лишь за месяц до победы над фашизмом, когда уже надо было делить между победителями послевоенный мир.

Как тут не вспомнишь Линкольна, поймавшего пулю в голову аккурат сразу после окончания их Гражданской войны. Попахивает от этого дела настолько нехорошо, что он, Сталин, уже отдал указание товарищу Судоплатову подумать над тем, как бы устроить сенатору Трумену несчастный случай со смертельным исходом. Не повредит. „Новый курс“ Рузвельта должен быть продолжен и после его смерти. Может,

тогда из Америки выйдет приличное государство, а не всемирный людоед, вооруженный атомной дубиной».

Генри Уоллес терпеливо ждал, когда Сталин прервет затянувшуюся паузу, но советский вождь не торопился начать разговор.

– Господин Верховный главнокомандующий, – не утерпев, Уоллес решил сам начать беседу, – президент Рузвельт поручил мне согласовать с вами действия наших стран после того, что произошло в Британии.

– Да, мистер вице-президент, – кивнул Сталин, – после переворота в Лондоне обстановка в Европе существенно осложнилась. Но скажите, что после этого печального события собирается предпринять президент Рузвельт?

– Фрэнки, – сказал Уоллес, и тут же поправился: – то есть президент Рузвельт, говорит, что мы с русскими остались вдвоем в одной лодке, и поэтому он хочет быть абсолютно уверенным в искренности и откровенности своего партнера, то есть вас, господин Верховный Главнокомандующий. Слово «абсолютно» было подчеркнуто им особо. В зависимости от уровня взаимоотношений, которого мы достигнем, может быть принято решение и по отправке вам дополнительной помощи в рамках ленд-лиза, ранее предназначавшейся Британии, и по поставкам промышленного оборудования, входящего в «стоп-лист». Президент Рузвельт даже намерен предложить вам, господин Верховный Главнокомандующий, заключить с Соединенными Штатами постоянный союз, кото-

рый в дальнейшем позволит двум нашим странам не только обеспечить себе мирное сосуществование, но и предотвратить любую возможность повторения мировой трагедии, подобной нынешней войне в Европе и на Тихом океане.

– И какие же доказательства искренности с нашей стороны желает видеть мистер Рузвельт? – скрывая в усах легкую усмешку, произнес Верховный.

– Мистер президент желал бы оказаться посвященным в те тайны, которые были открыты вам, господин Верховный Главнокомандующий, – твердо заявил Уоллес. – Давно уже не секрет, что выдающиеся успехи вашей армии в последнее время были вызваны вмешательством в войну неких потусторонних сил. Загадочные корабли под Андреевским флагом, сверхбыстрые и ужасающие самолеты, новая тактика, с помощью которой ваша армия наносит вермахту одно поражение за другим, успешные и победоносные генералы и адмиралы, которых до определенного момента как бы и вовсе не существовало в природе... С одной стороны, это нас обнадеживает, вселяя уверенность в неизбежном и скором разгроме нацистской Германии. А с другой стороны, пугает, так как никому не известно, какими наши взаимоотношения будут после войны. Еще нас тревожит существование в вашей стране такой весьма одиозной организации, как Коминтерн...

– Что ж, мистер Уоллес, – кивнул Сталин, – я понял, что вы желаете от нас узнать. Действительно, некоторую по-

мощь, о которой вы упомянули, мы получили в тот самый момент, когда она была нам жизненно необходима. Отрицать это было бы бессмысленно. Что же касается Коминтерна, то вопрос с его роспуском нами уже решен. Мировая революция – это идея Льва Троцкого, полностью отвергнутая нашей партией. Но, несмотря на это, информация о грядущих событиях, полученная нами недавно, является очень и очень тревожной. В Америке, конечно, нет своего «Капинтерна», но нам стало известно, что некие весьма влиятельные политические и экономические круги Соединенных Штатов уже планируют после завершения этой войны развязать следующую, и на этот раз против Советского Союза, с целью установления мирового господства американского капитала.

– Это достоверные сведения, господин Верховный Главнокомандующий? – растерянно спросил Генри Уоллес.

– Куда уж достовернее, мистер Уоллес, – ответил Верховный, – да вы и сами прекрасно знаете тех американских политиков и банкиров, которые, если бы не животный антисемитизм Гитлера, с величайшим удовольствием присоединились бы к его борьбе с «мировым коммунизмом». По весьма странному совпадению, они же являются и яростными противниками «нового курса» господина Рузвельта. Стоит только им взять власть, как они не только вступят в конфронтацию с Советским Союзом, но и сразу же начнут демонтировать все достижения «капитализма с человеческим лицом».

– Но все же, господин Верховный Главнокомандующий,

нельзя ли рассказать об этом немного подробнее? – спросил Уоллес.

– Вы хотите подробностей, мистер Уоллес? – резко спросил Сталин. – Все начнется с сенатора Трумена, которого после выборов в сорок четвертом году неожиданно вместо вас сделают вице-президентом. Последовавшая за этим в апреле сорок пятого года скоропостижная смерть президента Рузвельта навсегда изменит политический курс Соединенных Штатов. Уже к концу сорок шестого года отношения между победителями во Второй Мировой войне будут окончательно испорчены, а американские и британские генералы начнут строить планы по внезапному нападению на СССР. Если животный антисемитизм Гитлера будет похоронен, то не менее животный антикоммунизм останется, и даже окажется сильнее нацистского. И произойдет это не по нашей вине, ибо внешняя политика Советского Союза миролюбива, а военная доктрина является сугубо оборонительной. Таким образом, мы тоже хотели бы знать, что политический курс наших американских партнеров и дальше останется неизменно дружественным Советскому Союзу. Только после этого мы сможем поделиться с вами секретами, которые стали нам известны.

Сталин ненадолго замолчал и пристально посмотрел на вице-президента Уоллеса.

– Кроме того, господин вице-президент, – сказал он, – боюсь, что если я вам покажу материалы об Америке начала

двадцать первого века, то вас от них просто стошнит.

– Покажите, господин Верховный Главнокомандующий, – немного поколебавшись, произнес Уоллес, – я хочу знать, что ждет нашу Америку.

– Смотрите, – сказал Сталин, разворачивая стоящий на столе ноутбук лицом к гостю, – вот, к примеру, панорама Детройта. Нет, город не бомбили, просто к началу двадцать первого века американская автомобильная промышленность была уже скорее мертва, чем жива. А вот так выглядит Питтсбург, где простаивает больше половины мощностей сталелитейной промышленности. Вот негритянские и латиноамериканские гетто Лос-Анджелеса, Нью-Йорка и Чикаго. А это – процветающий своими банками и биржами Манхэттен. При этом почти треть американцев не имеет доступа к нормальному медицинскому обеспечению, десять процентов являются официально безработными и сидят на пособиях и продовольственных талонах. Государственный долг Соединенных Штатов при этом превышает пятнадцать триллионов долларов и растет со скоростью один триллион долларов в год. И самое последнее – 44-й президент Соединенных Штатов, Барак Хуссейн Обама, внебрачный плод связи белой американки англосаксонского происхождения и протестантского вероисповедания и заезжего кенийского студента.

Уоллес был потрясен, Уоллес был шокирован, Уоллес был возмущен... Причем настолько, что почти не обратил вни-

мания на сам ноутбук, с помощью которого и была произведена вся эта демонстрация.

– Но, господин Верховный Главнокомандующий, – произнес он наконец, нервно моргая и потирая запястья, – с этим надо же что-то делать!

– Надо, мистер вице-президент, – согласился Сталин, – Соединенные Штаты Америки, придерживающиеся «Нового курса» президента Рузвельта – нам друг и союзник. А вот Америка, какой она может стать в самое ближайшее время, будет нашим злейшим врагом. Прежде чем заключать какие-то далеко идущие соглашения и делиться с вами научными и промышленными секретами, мы тоже должны быть уверены, что это позже не обернется против нас. Я говорю вам это потому, что в ТОТ РАЗ вы до самого конца были противником такого политического курса, но ничего не могли сделать, ибо против вас ополчился весь американский капитал, почуявший возможность сорвать куш в триста процентов прибыли.

– Да, господин Верховный Главнокомандующий, – сказал вице-президент Уоллес, – я вас хорошо понимаю. Вы позвольте мне взять с собой все эти материалы?

– Мы сделаем лучше, – произнес Сталин, – сейчас вы поедете к себе и как следует отдохнете. Завтра утром за вами придет машина и отвезет вас на встречу с Антоновой Ниной Викторовной, комиссаром госбезопасности 3-го ранга. Она сама ОТТУДА, поэтому сможет оказать вам всю необходи-

мую помощь в составлении специального конфиденциального доклада для вашего президента. Не торопитесь, мистер Уоллес, постарайтесь сделать эту работу тщательно, ведь от нее будет зависеть судьба Соединенных Штатов Америки, да и всего мира. Пусть на это у вас уйдет три, четыре, пять, шесть дней – неважно. Потом мы с вами еще раз встретимся и обговорим условия предварительного соглашения о намерениях при заключении нового, более тесного союза между нашими странами.

– Да, господин Верховный Главнокомандующий, – согласно кивнул Генри Уоллес, – давайте так и сделаем. Я и сам не меньше вас заинтересован в успехе моей миссии. А теперь благодарю вас за содержательную беседу и хочу попрощаться с вами. Мне нужно время, чтобы все хорошенько обдумать.

8 июня 1942 года, Полдень. Москва, Дача Сталина в Кунцево.

Василий Сталин осторожно вошел в отцовский кабинет и прикрыл за собой дверь.

– Здравствуй, отец, – тихо сказал он, остановившись сразу за порогом.

– Здравствуй, Василий, – ответил Вождь, внимательно рассматривая сильно изменившегося за последнее время сына. – Проходи, не стесняйся. Говорят, там, под Брянском, ты не был таким скромным.

Василий пожал плечами.

– Так там была война, отец, – произнес он. – Иваныч, то есть, товарищ Покрышкин, говорит, что скромникам в военном небе не место. Если будешь разевать варежку, сожрут к чертовой матери, и никакая новая техника не поможет. Действовать надо смело, решительно, но в то же время, не терять голову и понапрасну не рисковать. Знаешь, отец, я с ним полностью согласен. Думаю, что семьдесят пять процентов расчета и двадцать пять процентов риска – это как раз то, что принесло нам успех под Брянском.

Верховный с интересом и даже с уважением посмотрел на сына.

– А ты поумнел, Василий, – констатировал он, – и повзрослел. Был балбес в форме, а сейчас передо мной взрослый мужчина, боец. Не зря я тогда отправил тебя в Кратово. Вижу, что ОНИ сделали из тебя человека.

– Знаешь, отец, – задумчиво сказал Василий, – ОНИ мне просто сказали: «Василий, ты СТАЛИН, а потому ты должен быть, а не казаться». Надо быть таким, чтобы тебе, отец, никогда уже не было за меня стыдно. Я так и стараюсь делать. Наверное, у меня что-то получается.

– Получается, Василий, – одобрительно кивнул Верховный, – и командующий корпусом Савицкий, и твой комдив Руденко – все они тебя хвалят. Отличный, мол, летчик, и хороший командир полка. Про эти твои штучки с пьянками-гулянками теперь мне никто уже не говорит. Я рад за тебя, сынок. Ты смог перебороть в себе эту дурную привычку,

и это приятно для отца.

– Папа, – сказал Василий, – я понял, что нельзя дурманить себя водкой. Война требует людей с острым и свежим умом. И, вообще, у меня теперь есть по-настоящему большая мечта и цель жизни. Я хочу полететь в космос, если не первым, то вторым обязательно. А для этого требуется безупречная репутация и железное здоровье. Мы тут с ребятами еще в Кратово немного подумали, и пришли к выводу, что, с учетом всех имеющихся у нас сведений, отправить первого человека на орбиту СССР сумет лет на десять раньше, в году примерно пятидесятом.

– Даже так, Василий? – улыбнулся Верховный. – Я очень рад, что у тебя ТАКАЯ мечта, а не как у некоторых... Не буду тебя разочаровывать, потому что, наверное, ты прав. Если большевики поставят перед собой эту цель, то они ее обязательно добьются. Меня тут уже убеждали, насколько это важное и нужно дело – космос. Могу тебе сказать, что товарищ Королев над этим вопросом уже работает – пока, правда, чисто теоретически. Сумеешь и дальше держать себя в руках – будет тебе отряд космонавтов. Тем более что набирать их будут из таких, как ты, летчиков-истребителей. Ну что, сын, ты доволен?

– Да, отец, – ответил Василий. – Я очень хочу, чтобы ты мною гордился.

Вождь отвернулся к окну, и, чтобы не увидел Василий, тайком смахнул непрошеную слезу. Этого железного чело-

века, что называется, пробило.

– Ладно, сынок, – произнес наконец он. – Лучше расскажи мне, как вы там дрались, и как показали себя новые самолеты.

– Ла-5 – машина замечательная, но не без недостатков, – сказал Василий. – Тяжеловат в пилотировании, да и в кабине жарко, как в финской бане, особенно летом. Но мотор – зверь, обзор из кабины хороший, а новые двадцатитрехмиллиметровые пушки выше всяких похвал. Новый «Яша», конечно, полегче и поудобнее «Лавки», но огневая мощь у него, даже с тремя пушками по двадцать миллиметров, все же не та. Знаешь, папа, как это замечательно видеть: всего одно твое попадание – и «мессершмитт» в воздухе на куски, а «юнкерс» или «хейнкель» валится вниз уже после двух или трех снарядов. Вот, смотри, как это было...

И он стал увлеченно двигать руками, показывая отцу случаи из своей боевой практики. В сталинском кабинете заревело разорванное пушечными очередями фронтовое небо Брянска, в котором армады «юнкерсов» так и не прорвались к своим целям и рушились вниз на русские леса и поля.

Конечно, Вождю было приятно слушать этот увлеченный рассказ сына и смотреть, как он показывает ему все перипетии своих воздушных боев. ТАКИМ Василием, он, пожалуй, мог бы гордиться и без всякого космоса. Но если у мальчика появилась такая мечта, то пусть так и будет. Конечно, есть риск, что однажды его собьют, но Верховный уже понял, что

если отстранить сына от фронта, то все может вернуться на круги своя. Нет, он все же сделает лучше. Василий, кажется, действительно готов к командованию дивизией, тем более, что в ТОЙ истории он справлялся с этим вполне успешно.

– Значит так, сын, – сказал он, дослушав все до конца, – в связи с формированием еще одного авиакорпуса ОСНАЗ твой командир, генерал-майор Руденко, уходит на повышение и просит назначить на его место тебя. Есть мнение, что следует последовать его совету. А ты как думаешь, справишься?

– Думаю, что справлюсь, отец, – кивнул Василий, – но у меня есть к тебе два вопроса.

– Спрашивай, сын, – немного настороженно сказал Верховный.

– Во-первых, товарищ Верховный Главнокомандующий, – официально обратился к отцу Василий, – для того, чтобы не допустить бомбовых ударов по нашим войскам, в ходе Брянской операции мы перехватывали вражеские бомбардировщики в глубине оккупированной немцами территории в двадцати-сорока километрах от фронта. Но сбитые там самолеты нам не засчитали, поскольку, согласно приказа НКО номер 0229 от девятнадцатого августа прошлого года, для этого требуется подтверждение со стороны наземных войск, которого на месте падения сбитого самолета не было и быть не могло. Кино-фотопулеметов на наших истребителях тоже пока нет. Мне-то, конечно, все равно, но ребята обижаются.

Пусть мы воюем не из-за записей в летных книжках, но ведь это несправедливо. Тем более что почти все летчики отсылают денежные аттестаты семьям, и выплаты за сбитые ими самолеты в такое тяжелое время совсем не лишние.

– Хорошо, сын, – сказал Верховный, – мы подумаем над этим и примем правильное решение. Справедливость вознаграждения – это так же важно, как и неотвратимость наказания. Какой у тебя второй вопрос?

– А второй вопрос, кто вместо меня будет командовать нашим полком...

– Хм... наверное, ты удивишься, но самая подходящая кандидатура командира вашего полка – твой друг, гвардии майор Покрышкин, – сказал Вождь.

Василий облегченно выдохнул.

– Все правильно, отец, – кивнул он. – Александр Иванович, то есть гвардии майор Покрышкин – настоящий гений войны в воздухе. И вообще, он мне здорово помог с командованием и много чему по жизни научил.

– Побольше бы тебе таких друзей, сын, – улыбнулся Верховный – Этот, насколько я знаю людей, не предаст тебя и не продаст, как некоторые. Ты знаешь, Лаврентий уже арестовал двух чудаков, вздумавших написать на него ложные доносы. На допросах они признались, что через Покрышкина пытались сделать пакость и тебе. Кстати, Василий, что это за история с режиссером Каплером?

– Отец! – возмущенно произнес Василий. – Светка – моя

сестра, а этот, прости, козел вздумал ее соблазнить. Она совсем ребенок, ей всего шестнадцать лет! Да он бы просто испортил ей жизнь!

– И ты, как настоящий джигит, решил взять с собой верных кунаков и нанести обидчику сестры ночной визит? – с усмешкой сказал Вождь.

– А что было делать, отец... – вздохнул Василий. – Официальным путем я бы ничего не добился. У НАС совращение малолетних ненаказуемо, хотя ТАМ этот Каплер мог бы получить десять лет за свои художества и уехать туда, куда Макар телят не гонял. Но даже если бы и так, то репутация Светки была бы безнадежно испорчена. Отец, я не хочу своей сестре той судьбы, которую она прожила в ТОТ раз. Зубами буду рвать, но не допущу, чтобы ей сломали жизнь!

– Хорошо, – задумчиво кивнул Вождь. – Светлана не только твоя сестра, но и моя дочь, и ТАКОЙ судьбы я ей тоже не хочу. Но зубами тут рвать ничего не надо было. Ты должен был обратиться к Лаврентию, и он устроил бы все в лучшем виде, без всякой этой вашей художественной самодеятельности в стиле абрека с Военно-Грузинской дороги. Мог бы хотя бы со мной посоветоваться.

– Отец, – с горечью сказал Василий, – и у тебя, и у дяди Лаврентия столько важных государственных дел, что и подумать страшно. Хотя и мне в ближайшее время будет совсем не до Светкиной судьбы. Может, ее тоже пристроить в какое-нибудь хорошее место, чтобы не оставалось времени

дурить?

– Хорошо, сын, – кивнул Верховный, – я подумаю об этом. Теперь скажи, что у тебя с Галиной?

– Да так... – нехотя ответил Василий, – чужие мы друг другу. Пил – было плохо, бросил пить – теперь ей мои друзья не нравятся... Думаю, что рано или поздно мы с ней разойдемся.

– Да... – произнес Вождь, – и тут неладно. Тогда вот что, Василий. Если вам все равно расходиться, то есть одно дело государственной важности.

– Какое дело, отец? – настороженно спросил Василий.

– Старшая дочь английского короля, наследная принцесса Елизавета – весьма интересная личность, – ответил Верховный. – Она с отцом будет на приеме в Кремле, когда вам будут вручать награды. Я не прошу, чтобы ты ее уложил в свою постель, ибо это будет ничем не лучше того, что этот Каплер пытался проделать со Светланой. Но все же попробуй заставить девочку в сердце. Ты же у меня орел-мужчина, герой, лихой летчик! А там два года до конца войны пролетят незаметно. Пойми меня правильно: это всего лишь просьба. Получится – замечательно, не получится – тоже ничего страшного, что-нибудь еще придумаем, чтобы приручить британского льва. Или львицу? – Сталин неожиданно хитро подмигнул сыну.

– Хорошо, отец, – опустил глаза Василий, – я ничего не обещаю, но попытаюсь...

– Вот и хорошо, – кивнул Вождь, – я надеюсь, что и дальше буду слышать о тебе только то, чем я буду гордиться.

Когда Василий вышел, Верховный вздохнул и едва слышно сказал:

– Удачи тебе, мой мальчик... Не подведи меня.

10 июня 1942 года. Восточная Пруссия. Объект «Вольфшанце», Ставка фюрера на Восточном фронте.

Присутствуют:

Рейхсканцлер Адольф Гитлер;

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер;

Глава Абвера адмирал Вильгельм Канарис.

Вызов в «Вольфшанце» для адмирала Канариса оказался полной неожиданностью. Ранее через своих людей в ставке фюрера глава Абвера получал информацию не только о том, что в самое ближайшее время он будет приглашен к вождю Третьего рейха на беседу или разнос (последнее происходило все чаще и чаще), но и о том, о чем примерно пойдет разговор. Но на этот раз такой информации Канарис не получил. Его людям удалось лишь узнать, что примерно на то же время в «Вольфшанце» вызван Генрих Гиммлер.

Это насторожило и встревожило адмирала. «Неужели все? – подумал он. – Фюрер может принять решение, и я из Восточной Пруссии отправлюсь в Берлин, только не в свой кабинет на Тирпицуфер 74, а в камеру на Принц-Аль-

брехт-штрассе, 8, где, как всем известно, располагается РС-ХА. Что же делать? Сказаться больным? Сбежать? А куда? Нет, надо лететь... Будь что будет».

И вот он в кабинете фюрера. Отсалютовав Гитлеру партийным приветствием, Канарис, подчиняясь приглашающему жесту хозяина кабинета, присел к столу рядом со своим коллегой и извечным соперником – рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером.

– Мы победим! – неожиданно воскликнул Гитлер. – Мы должны победить. Высшие расы всегда побеждали тех, кто ниже их по развитию. Это закон природы, и он так же неумолим, как законы физики. Но после разгрома русскими нефтепромыслов в Плоешти наши доблестные войска и люфтваффе не могут эффективно действовать из-за недостатка горючего. Надо обеспечить наши танки и самолеты неограниченным количеством бензина – и мы сможем не только остановить, но и погнать вспять орды недочеловеков, рвущихся в сердце Европы. Нефть – вот наша самая главная цель на ближайшее время. Но где ее взять? Румынские нефтепромыслы надолго, если не навсегда, выведены из строя. Попытки получить горючее от продажных янки закончились полным крахом. Что там произошло, так и не удалось выяснить. Понятно лишь одно: этот источник поступления к нам нефтепродуктов закрыт для нас навсегда. В ближайшее время мы начнем грандиозную наступательную операцию на южном фланге Восточного фронта, чтобы захватить нефте-

промыслы Баку, Грозного и Майкопа, но кто знает, когда мы сможем достичь успеха и сколько времени пройдет, пока мы получим первую кавказскую нефть... Недочеловеки сражаются просто отчаянно, и, отступая, сжигают и взрывают все на своем пути. Где же мы тогда сможем добыть так необходимую для нас нефть?

– Мой фюрер, – сказал Канарис, – в таком случае надо уповать лишь на наш доблестный Африканский корпус, которым сейчас командует генерал-лейтенант Вальтер Неринг. Пусть вы забрали у Африканского корпуса на Восточный фронт почти все танки и половину пехоты, но и англичане в Египте в настоящий момент дезорганизованы и деморализованы произошедшим у них в метрополии переворотом. Если наши и итальянские войска сумеют разгромить британцев и форсируют Суэцкий канал, то они смогут прорваться в Сирию и Ирак, где есть нефть, причем в больших количествах. В Сирии войска маршала Петэна не окажут нашей победоносной армии никакого сопротивления, а в Ираке еще не забыли, как британцы расправились с участниками восстания, которым руководил премьер-министр Ирака Рашид Али аль-Галайни. Тогда, в мае 1941 года, на аэродроме Мосула уже стояли наши и итальянские самолеты. Но, к сожалению, англичане сумели тогда подавить восстание иракцев. Но они снова поднимутся против ненавистных им британцев, как только солдаты Африканского корпуса переправятся через Суэцкий канал.

– Эх, Канарис, – сказал Гитлер, – вы очень умный человек, правда, ваш ум порой бывает нацелен куда-то не туда... Впрочем, разговор сейчас не об этом. Вы правильно заметили, что если мы овладеем нефтяными месторождениями Ирака, то нам не придется экономить на бензине. Наши самолеты, танки и автомашины получают его столько, сколько нужно. Вот для того я вас к себе и пригласил. Необходимо, чтобы это произошло как можно быстрее.

– Фюрер, я весь во внимании... – Канарис выпрямился и преданными глазами уставился на Гитлера. – Мы немедленно активизируем всю нашу ближневосточную агентуру. Мы...

– Подождите, Канарис, – недовольно сказал вождь Третьего рейха, – выслушайте пока рейхсфюрера СС Гиммлера. Думаю, вас очень заинтересует информация, которой он располагает.

– Мой фюрер... – Гиммлер открыл принесенную с собой папку, и переложил в ней несколько бумаг, – чтобы не терять время, я постараюсь быть краток. Как вы знаете, после разгрома Польши в 1939 году часть бегущих от нашего доблестного вермахта войск этого недогосударства нашла спасение на территории Советов. Сталин разоружил их, часть поляков отправил по домам, часть поместил в специальные лагеря. После начала войны против Советов он решил использовать поляков, вооружив их и послав на фронт, чтобы сражаться против доблестных войск фюрера. В Лондоне русский посол

Майский и глава эмигрантского правительства Польши Владислав Сикорский подписали договор о сотрудничестве. Мы сумели получить копию тайного приложения к этому договору – в нем было оговорено, что Советы амнистирует всех поляков, оказавшихся на его территории, и сформируют из них воинские части, которые отправят воевать с нами. Командующим польских вооруженных сил в России был назначен генерал Андерс – в прошлом он был русским офицером, сражался в составе царской армии против германских войск. Андерс в совершенстве владеет русским языком и считается специалистом по России. В соответствии с заключенным в Лондоне военным соглашением, на территории СССР формируются только сухопутные воинские части.

– Гм, Андерс... – задумчиво сказал Гитлер, – что-то его фамилия не очень-то похожа на польскую.

– Да, мой фюрер, – кивнул Гиммлер, – вы как всегда правы. Генерал Андерс родился в семье немецкого дворянина. Он даже не католик, как большинство поляков, а лютеранин.

– Любопытно, любопытно... – Гитлер азартно потер руки. – Продолжайте, Генрих...

– В соответствии с соглашением генерала Сикорского со Сталиным, армия, формируемая генералом Андерсом, рассматривалась как «часть вооруженных сил суверенной Польской Республики», которой и будут присягать на верность ее военнослужащие. После окончания войны армия должна вернуться в Польшу. В соответствии с соглашением, поля-

ков направят на фронт лишь после того, как они достигнут полной боевой готовности. Первоначально польские части формировали в Поволжье, но потом Андерс заявил, что это слишком близко к фронту, и со своим штабом и уже сформированными подразделениями перебрался в Среднюю Азию. Сейчас он находится в одном из небольших городков неподалеку от Ташкента.

– А как генерал Андерс относится к нам? – поинтересовался Канарис. – Не прорезался ли у него голос крови?

– Вы угадали, Канарис, – усмехнулся Гиммлер. – Как вы понимаете, Имперское управление безопасности просто обязано было направить своих агентов в польские части, которые начал формировать генерал Андерс. И вот что они узнали. Андерс был убежден в неизбежном поражении Советского Союза и в победе Германии. Он склонялся к тому, чтобы начать искать контакты с германским командованием. Во время своего очередного вояжа в Москву он повстречал профессора Леона Козловского, бывшего польского премьера. Андерс и Козловский оказались единомышленниками. Они считают, что Польша, несмотря на все происшедшее в сентябре 1939 года, должна сотрудничать с Германией, как это сделали Румыния, Венгрия и другие европейские страны. Андерс направил Козловского в свой штаб, который располагался тогда еще в Бузулуке, и предложил ему для вида поступить на военную службу в формируемую им армию. Козловский, получив чин поручика, в течение неде-

ли работал в финансовом отделе армии. Потом Андерс приказал ему отбыть в Москву, якобы в посольство, хотя оно в то время находилось уже не в Москве, а в Куйбышеве. В действительности же Козловский должен был перейти линию фронта, что в условиях немецкого наступления являлось делом нетрудным. Фронт в это время находился в движении и подошел почти к Москве. В конце октября 1941 года Козловский в компании с двумя польскими офицерами перешел линию фронта, и уже в конце ноября был в Варшаве, а спустя еще некоторое время его доставили в Берлин. С ним работали наши люди, и он рассказал много интересного о генерале Андерсе. К сожалению, болтуны из министерства доктора Геббельса пронюхали об этом и раззвонили о Козловском по радио и в печати. Андерс не на шутку испугался и, дабы снять с себя все подозрения, приказал провести «расследование» по делу Леона Козловского и выяснить, каким образом тот выехал из Бузулука в Москву и как и когда перешел линию фронта. Следствие вел 2-й отдел штаба армии во главе с подполковником Гелгудом, известным своими германофильскими взглядами. Но все же удалось выяснить, что Леон Козловский появился в Бузулуке по личному приглашению Андерса, и, самое главное, было установлено, что он выехал в Москву по поручению Андерса, который лично подписал ему командировочное удостоверение. Андерс срочно учредил суд и приказал судить Козловского за государственную измену и открытый переход на сторону против-

ника. При этом он потребовал вынесения смертного приговора. Суд, не вникая в существо дела, приказ выполнил. Леона Козловского объявили предателем и дезертиром и приговорили к смертной казни. Андерс приговор утвердил, хотя не имел на это права, ибо смертные приговоры на офицеров мог утверждать только верховный главнокомандующий генерал Сикорский. Понятно, что приговор этот остался лишь на бумаге, так как исполнение его в отношении лица, находящегося в Берлине под опекой немецких властей, оказалось невозможным. А мы продолжили работу с Козловским и его связями, которые остались в штабе Андерса.

– Какова численность войск, находящихся в распоряжении Андерса? – поинтересовался Гитлер.

– По нашей информации, – Гиммлер заглянул в одну из бумаг, – по состоянию на 1 марта 1942 года в армии Андерса числилось шестьдесят тысяч человек, включая три тысячи офицеров и шестнадцать тысяч унтер-офицеров. По сведениям наших агентов, в польских частях сильны антибольшевистские настроения, в том числе и среди рядовых, и нежелание идти в бой под командованием советских военачальников. Накануне переворота в Британии английское колониальное командование на Ближнем Востоке предложило Сталину использовать польские войска в Ираке для охраны нефтяных районов. И Сталин, которому, похоже, ужасно надоело возиться с поляками, дал согласие на отправку армии Андерса в Ирак.

– Канарис! – воскликнул Гитлер, – теперь вы понимаете, какой это для нас подарок судьбы? Шестьдесят тысяч человек, которые могут начать восстание в тылу британских войск, сражающихся против нашего Африканского корпуса! Это не шутка... Если соединить их с имеющейся там вашей агентурой, то нефть Ирака и Ирана окажется в наших руках.

– Мой фюрер, – сказал Гиммлер, – мы распространим среди поляков информацию, что Сталин и английский король Георг, который сейчас находится в Москве, решили расформировать части Андерса, так как после ареста нами в Лондоне генерала Сикорского у Польши нет больше легитимного главы правительства, а генералу Андерсу после истории с Леоном Козловским доверять нельзя.

– Генрих, – добавил Гитлер, – вам следует послать к Андерсу доверенного человека, который сообщит генералу, что мы признаем его главой Польши. Как фольксдойче, он будет назначен гауляйтером Генерал-губернаторства вместо погрязшего в грязных делишках Ганса Франка. Думаю, что он согласится. А вы, Канарис, должны задействовать всю свою агентуру, чтобы поднять восстание в Ираке. – Фюрер выразительно посмотрел на главу Абвера и назидательно произнес: – И имейте в виду, Вильгельм – это ваш последний шанс. В случае неудачи... Все, можете идти. Завтра я жду вас с конкретными предложениями.

11 июня 1942 года, 05:05. Тихий океан. 100 миль

северо-восточнее Перл-Харбора. Флагман Японского Объединенного Императорского Флота линкор «Ямато».

В предутренний час, когда горизонт на востоке уже зажегся первой полоской зари, адмирал Исороку Ямамото поднялся на мостик флагмана Объединенного флота, где уже стояли начальник штаба Объединенного флота контр-адмирал Матомэ Угаки, командующий линейными силами вице-адмирал Сиро Такасу и командир линкора «Ямато» контр-адмирал Гихати Такаянаги.

Главкомандующий оглядел океан, над которым уже рассеивалась ночная мгла, сменяясь серыми предрассветными сумерками. Вечный в своем упорстве пассат гнал на юго-запад плоские валы волн, разрезаемых форштевнями кораблей японских линейных сил что включали в себя одиннадцать линкоров и семнадцать тяжелых крейсеров. Чуть поодаль в сопровождении эсминцев двигалась колонна транспортов с десантом.

Говорить адмиралам было уже нечего. Все необходимые решения обсуждены и приняты, отданы распоряжения и приказы, и теперь оставалось только ждать и надеяться, что каждый японский летчик, офицер или матрос исполнит свой долг, как и положено потомкам богини Аmaterасу. Операция «Цветок Лотоса» вступала в завершающую фазу и, судя по всему, ее замысел так и не был раскрыт противником, до сих пор ожидающим удара Объединенного флота по Веллингто-

ну, Сиднею или даже по Мельбурну.

«Да, – подумал Ямамото, – капитан первого ранга Ямагучи был абсолютно прав. Эти заносчивые янки, расшифровав наш военно-морской код Ro, решили, что уже держат нас за горло, и совершенно расслабились, забыв о том, что искусство дезинформации на Востоке еще в глубокой древности достигло совершенства. Воистину прав наш народ, называя их западными варварами. К тому же они не ждут удара с восточного направления, откуда, по их представлениям, могут появиться только американские корабли и самолеты. Лишь бы все не случилось как в прошлый раз, и авианосцы „Энтерпрайз“ и „Хорнет“ оказались бы в гавани Перл-Харбора, а не болтались бы где-то в море».

Адмирал Ямамото посмотрел на часы: стрелки показывали пять часов пятнадцать минут. Время! Он повернулся к командующему линейными силами.

– Самый полный ход, Сиро-сан, – произнес он, – судьба Империи зависит от этого дня, и да пребудет с нами милость богини Аматерасу!

Как раз в этот момент ударное авианосное соединение вице-адмирала Тюити Нагумо развило максимальную эскадренную скорость тридцать узлов и, совершив разворот против ветра «все вдруг», стало поднимать в воздух самолеты первой волны.

Всего в первом ударе по Перл-Харбору было задействовано семьдесят два бомбардировщика и торпедоносца На-

кадзима В5N, тридцать шесть пикировщиков Аичи D3A в сопровождении пятидесяти четырех истребителей Мицубиси А6М «Ноль». Как и в прошлый раз, целью первой ударной волны, которую вел командир авиагруппы флагманского авианосца «Акаги», капитан первого ранга (тайса) Мицуо Футида, назначены базирующиеся на Перл-Харборе корабли американского тихоокеанского флота, зенитные батареи и аэродромы береговой авиации.

Вторая ударная волна, состоящая из тридцати шести высотных бомбардировщиков Накадзима В5N, семидесяти двух пикировщиков Аичи D3A и пятидесяти четырех истребителей Мицубиси А6М «Ноль» по плану поднимется в воздух через сорок пять минут. Ее целью станут недобитые в первом налете американские аэродромы, база подводных лодок, а также инфраструктура береговой обороны, прикрывающая Перл-Харбор от атак с моря.

Еще пятьдесят четыре истребителя Мицубиси А6М «Ноль» и двадцать пять новейших самолетов разведчиков Йокосука D4Y находились в резерве и предназначались для обеспечения господства в воздухе и корректировки артогня при проведении десантной операции.

11 июня 1942 года, 05:25. Тихий океан. 90 миль северо-восточнее Перл-Харбора. Флагман японского авианосного соединения авианосец «Акаги».

Ведущий первой ударной волны капитан первого

ранга (тайса) Мицуо Футида

В 05:24 с мостика в мегафон прозвучал приказ начать взлет первой волны самолетов. Командир авиационной боевой части взмахнул белым флагом – и первый истребитель прикрытия, набрав скорость, со свистом оторвался от палубы. Наша очередь наступала только после того, как в воздух поднимутся все истребители, поэтому у меня было время осмотреться по сторонам. Повернув голову, я увидел, что авианосец «Кага», идущий в строю пеленга правее и впереди нас, тоже поднимает в воздух свои самолеты. То же самое делали и находящиеся дальше авианосцы второй и третьей дивизий: «Сорю», «Хирю», «Секаку» и «Дзуйкаку». Началось! Один раз я уже наносил удар по Перл-Харбору, и, если помогут нам боги, мне уже больше не придется три раза подряд заходить в атаку на одну и ту же цель.

Вот настал и наш черед. Газ до упора на взлетный режим. Мотор в тысячу лошадиных сил оглушительно взревел; машина, сдерживаемая тормозами, затряслась как в лихорадке, после чего, отпустив педали, я дал ей волю, отправив самолет в небо как голубя из рук. Перегрузка вдавила мое тело в пилотское кресло, палуба ушла из-под колес – и вот моя машина уже в воздухе, все выше и выше поднимается в светлеющее на глазах небо. Обернувшись, я увидел, что следом за мной с палубы «Акаги» взлетают и остальные машины моего сентая.

В воздухе становилось тесно от самолетов. Справа от на-

шей группы, постепенно отставая, зависли в воздухе пикировщики – Аичи D3M с «Секаку» и «Дзуйкаку», отличительной особенностью которых были неубирающиеся в полете шасси, закрытые аэродинамическими обтекателями.

Выстроившись в боевой порядок, ударная формация взяла курс на юг, чтобы впоследствии, повернув на запад, атаковать Перл-Харбор точно со стороны восходящего солнца. Полет проходил на предельно малой высоте, над самыми гребнями волн: незадолго до начала операции наша разведка получила информацию о наличии на острове Оаху радиолокационной станции, не способной обнаруживать самолеты, идущие на малых высотах. Чем сильнее мы прижмемся к воде, тем меньше шансов, что противник сможет нас обнаружить и успеет привести в боевую готовность зенитную артиллерию и поднять в воздух истребители. Кстати, адмирал сказал нам, что в прошлый раз только врожденное американское разгильдяйство уберегло наши самолеты от обнаружения этим радаром почти за час до удара по гавани Перл-Харбора.

Береговую полосу острова Оаху мы увидели в 05:56 – в тот самый момент, когда за нашими спинами над горизонтом расплавленным металлом прорезался краешек восходящего солнца. От ударной формации отделились две группы истребителей по девять машин каждая – их задачей было атаковать и блокировать расположенные на восточном берегу острова аэродромы Канэохе и Беллоуз.

Дальше счет пошел на минуты – и ударная формация, набрав восемьсот метров высоты, перевалила через гребень возвышенности, отделявшей восточный берег от гавани Перл-Харбора. Открывшаяся с высоты картина заставила мое сердце радостно подпрыгнуть. Во-первых, в гавани находились не только шесть американских линкоров (из которых только три считались боеспособными после нашего прошлогоднего визита), но и оба наших злейших врага – авианосцы «Энтерпрайз» и «Хорнет». Во-вторых, мы опять застали этих янки за час до побудки и подъема флага (как они любят говорить, «со спущенными штанами»). Теперь мы могли опять повеселиться, как подвыпившие матросы в квартале «красных фонарей», и выдернуть из хвоста американского орла последние перья.

Прижав к горлу ларингофоны, я направил самолет в сторону одного из американских авианосцев, стоявших в так называемом «линкорном ряду», и, прервав радиомолчание, произнес так врезавшуюся в память кодовую фразу: «Тора! Тора! Тора! Тэнно хейко банзай!»

Как и в прошлый раз, зенитный огонь был спорадическим и неточным. Кроме всего прочего, американских зенитчиков дежуривших на батареях ПВО, слепил встающий за нашими спинами диск солнца, в то время как все наши цели были прекрасно освещены и представляли собой легкую добычу. Таких идеальных условий для атаки у нас не было даже седьмого декабря. Нет, наш адмирал Ямамото, придумав-

ший и спланировавший всю эту операцию, все-таки величайший военно-морской гений, в своем величии равный британскому адмиралу Горацио Нельсону и победителю русского флота при Цусиме адмиралу Хэйтэхиро Того, превратившего нашу Японию в первоклассную морскую державу.

Снизившись до предельно малой высоты, мое звено атаковало американский авианосец восьмьсоткилограммовыми фугасными бомбами, используя топ-мачтовое бомбометание. Мой штурман-бомбардир сбросил бомбу только тогда, когда я, казалось, мог уже различить каждую заклепку на борту американского корабля. Избавившись от смертоносного груза, наш самолет полез вверх; палуба «американца» молнией пронеслась под крыльями – и тут нас настиг грохот взрыва, а вслед за ним – восторженный вопль нашего стрелка-радиста: «Мы сделали это, Мицуо-сама! Хэнно тейко банзай!»

Бросив назад беглый взгляд, я увидел столб ревущего пламени, смешанного с дымом, вырывающийся из дыры в палубе американского авианосца ближе к его корме. Очевидно, наша бомба, отскочив от воды, попала выше бронированного борта, между ангарной и полетной палубами. Взрыв прямо возле самолетоподъемника, разметал и воспламенил подготовленные к вылету американские истребители дежурного звена. Повреждения очень тяжелые, если не смертельные. Даже если американским матросам удастся погасить пожар, авианосец точно окажется небоеспособным на несколь-

ко неделю.

К моему величайшему сожалению, экипаж моего правого ведомого не добился успеха, ибо сброшенная им бомба разорвалась в воде довольно далеко от борта цели. А левый ведомый, лишь недавно пришедший к нам на «Акаги» из молодого пополнения, оказался то ли подбит расчетом зенитного автомата, то ли не справился с управлением, и, как сказал мне стрелок, врезался вместе с бомбой в надстройку-остров американского авианосца. По крайней мере, эти трое поступили так, как подобает настоящим самураям, и теперь их души попадут в храм Ясукуни, где обитают души всех погибших во имя Японии и нашего божественного Тэнно.

Бомбы сброшены, мы свою задачу выполнили, и теперь можем возвращаться на наш «Акаги». Набирая высоту, я еще раз окинул взглядом панораму бухты, усеянную разрывами бомб и затянутую дымом пожаров. Небо было полно самолетами с красными кругами на крыльях.

В этот момент к Перл-Харбору подошли немного отставшие сентаи пикировщиков. Переворачиваясь через крыло, они обрушились на американские корабли, добывая то, что еще не было добито нашими бомбардировщиками. Буквально на моих глазах пораженный нами авианосец получил в палубу еще две пятисоткилограммовые бомбы и превратился в сплошной пылающий костер. Досталось от Аичи D3A и его напарнику, а также ошвартованным в том же ряду линкорам, прочем один из них взорвался так же, как в свое время взле-

тела на воздух «Аризона». Веселье было в самом разгаре, но пора было идти домой. Не скучайте, дорогие янки, мы еще вернемся...

На полпути к «Акаги» мы встретили формацию второй ударной волны и пожелали им успеха. Пусть, если что, смерть их будет легче перышка, а слава выше небес. Ведь эффект внезапности уже утрачен, а янки взбешены, как разбуженные зимой гризли. Ведь мы уже второй раз наказали их одним и тем же способом в том же самом месте. А старая рана чувствительнее к боли.

11 июня 1942 года, 08:15. Тихий океан. 25 миль восточнее Перл-Харбора. Флагман Японского Объединенного Императорского Флота линкор «Ямато».

Линейные силы объединенного флота приближались к острову Оаху. Еще полчаса – и сначала «Ямато», а затем и остальные линкоры смогут вцепиться в береговые цели клыками своих дальнобойных орудий. На авианосном соединении, маневрирующем милях в пятидесяти восточнее линкоров, спешно готовили машины ко второму налету. Потери самолетов, участвовавших в первом налете, были вполне приемлемыми. В двух ударных волнах японская морская авиация потеряла двадцать четыре бомбардировщика-торпедоносца Накадзима В5N, тридцать два пикировщика Аичи Д3А и девять истребителей Мицубиси А6М «Ноль», в свою очередь, уничтожив два авианосца и

один линкор. Еще три линкора имели сильные повреждения, включая и тот, который, находясь в сухом доке, взрывом бомбы был сбит с кильблоков и лег на борт.

Большие потери понес и американский подводный флот, ведь лодки, стоящие у пирсов – лакомая цель для пикирующих бомбардировщиков. Несколько американских субмарин были уничтожены прямыми попаданиями, а остальные получили повреждения, сделавшие их небоеспособными на долгое время. Кроме того, как и седьмого декабря, на аэродромах оказалось уничтожено и повреждено большое количество американских самолетов, в том числе больше десятка тяжелых бомбардировщиков B-17. Взлетные полосы аэродромов были приведены в негодность бомбами с пикировщиков второй ударной волны. Единственной целью, которую японским летчикам прямо запрещалось атаковать, были нефтехранилища. Запасы топлива, сделанные американцами, должны были пригодиться и японскому объединенному флоту.

Адмирал Ямамото был вполне доволен результатами первого удара. Американский Тихоокеанский флот оказался полностью выведен из игры, как и американская береговая авиация. Никакого серьезного противодействия десанту они теперь оказать не смогут, будь их адмирал Нимиц хоть семи пядей во лбу. Поздно запирать конюшню, когда из нее украли лошадь. Он, Ямамото, опять переиграл противника, отодвинув неизбежное поражение Японии на неопределен-

ное время.

Около девяти часов утра японские линейные силы приблизились к восточному побережью острова Оаху на десять миль и подняли в небо самолеты-корректировщики под прикрытием истребителей. Отныне гавань Перл-Харбора и все основные аэродромы американской авиации находились в пределах досягаемости восемнадцатидюймовых орудий линкора «Ямато». Остальные линкоры, вооруженные орудиями в шестнадцать и четырнадцать дюймов, стали без особой спешки перепахивать береговые батареи и позиции американской морской пехоты в бухте Кано-бэй, предназначенной адмиралом стать первоначальным плацдармом на острове Оаху.

Сопrotивление американского гарнизона японскому десанту было ожесточенным. В бой пошли даже команды поврежденных кораблей. Но они ничего не могли сделать, находясь под плотным огнем главного калибра японских линкоров.

Правда, восемнадцатидюймовки «Ямато» в деле показали себя не очень хорошо. Точнее, показали себя абсолютно не готовыми к сражению не сами пушки, а снаряды, которыми они были укомплектованы. Точность огня была довольно низкой, а фугасное действие снарядов для такого монструозного калибра – слабым, меньшим, чем у двенадцатидюймовых японских снарядов времен русско-японской войны.

Адмирал Ямамото уже сочинял в уме язвительный ра-

порт в адрес бездельников-артиллеристов, поставивших перед войной японский флот в такую же извращенную позу, в какой русские находились тридцать восемь лет назад, когда у их неплохих орудий полностью отсутствовал фугасный боекомплект, а бронебойные снаряды оказались неуместно облегченными.

Но, как бы там ни было, при поддержке палубной авиации и артиллерии линкоров и тяжелых крейсеров высаженный десант вцепился в берег. К полудню уже были захвачены расположенные на восточном берегу аэродромы Канэохе и Беллоуз, а подразделения японских десантников, преодолевая отчаянное сопротивление американской морской пехоты, сошедших на берег моряков и всякой сборной солянки, шаг за шагом продвигались к гребню возвышенности, отделяющей восточное побережье от Гонолулу и бухты Перл-Харбора. Битва за Гавайи была фактически выиграна. Но это был еще далеко не полная победа, о чем адмирал Ямамото и сообщил в Токио. Война на Тихом океане продолжалась.

13 июня 1942 года. Восточная Пруссия. Объект «Вольфшанце», Ставка фюрера на Восточном фронте.

Присутствуют:

Рейхсканцлер Адольф Гитлер;

Начальник штаба верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель;

Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер.

Расстелив на столе огромную карту советско-германского фронта, генерал-полковник Франц Гальдер направил на нее свет яркой настольной лампы, блеснув при этом стеклами своего пенсне.

– План «Блау», мой фюрер, – негромко сказал он, сделав приглашающий жест рукой.

Непроизвольно повинувшись этому жесту, Гитлер склонился над картой. Пройдет еще десять дней, и исполнится ровно год с начала вторжения в Советскую Россию. Первую половину этого года во время летне-осенней кампании вермахт неизменно наступал, сумев захватить территорию, равную примерно половине Европы. Он дошел до Петербурга, Москвы, Харькова и Крыма, сумел разгромить русскую армию мирного времени, взять огромные трофеи, а также несколько миллионов пленных солдат и офицеров, среди которых было несколько десятков большевистских генералов, и даже старший сын их вождя Сталина.

На этом успехи германской армии заканчивались – ни одна из стратегических задач, поставленных планом «Барбаросса», решена так и не была. Не удалось разгромить и уничтожить основные русские силы западнее Днепра, а поставленная в крайне неблагоприятные условия Красная Армия не рухнула подобно колоссу на глиняных ногах. Отчаянно сражаясь в самых безнадежных ситуациях, она сумела вы-

играть так необходимые Советам дни, недели, и даже месяцы. Это время русские использовали с максимальной отдачей – проводилась мобилизация, позволившая создать вместо разгромленной фактически новую армию, вывозились на восток промышленные предприятия и запасы стратегических материалов.

Из-за отчаянного сопротивления большевиков вермахт подошел к Москве не в середине августа, как предполагалось по плану «Барбаросса», а двумя месяцами позже, когда начавшиеся осенние дожди лишили маневренности немецкие подвижные группировки.

Потом пришла русская зима с ее сорокаградусными морозами, фронт еще раз дернулся и окончательно вмерз в русскую землю, что окончательно обесценило все летние победы вермахта. Топливо поступало в войска буквально с колес, ибо и довоенные запасы, и трофеи были полностью исчерпаны. К тому же к началу холодов выяснилось, что подошел к концу моторесурс двигателей и ходовой части у большей части танков, тягачей и грузовых машин. Вермахт накрыл кризис подвижности, и это помимо отсутствия теплого обмундирования и зимних смазочных материалов для оружия и техники.

А затем наступило то, что потом получило название «зимней катастрофы». Свежие русские дивизии перешли в наступление на измотанные и обескровленные немецкие части – сначала под Москвой и Ростовом, затем в Крыму, на Дон-

бассе и под Петербургом. Результатом этого стали не только территории, снова отвоеванные большевиками, но и сокрушительные потери немецких и союзных им румынских войск. Только вермахт безвозвратно потерял в 1941 году полтора миллиона солдат и офицеров, и еще семьсот тысяч – за первые пять месяцев 1942 года. А в строй за это же время удалось поставить не более полумиллиона новобранцев-немцев, в то время как Советы, потеряв порядка пяти миллионов солдат, смогли поставить в строй не менее десяти миллионов.

Еще одна такая кампания – и воевать в Третьем Рейхе будет просто некому. Или вермахт повторит успех прошлого лета, сломив организованное сопротивление Красной Армии и получив доступ к нефти Кавказа и пшенице Поволжья, или славяно-монгольский потоп захлестнет всю цивилизованную Европу. Сейчас или никогда!

Гитлер еще раз взгляделся в карту. Все было спланировано в точности так, как он и хотел. Жирные синие стрелы группы генерала Вейкса (28 июня) и 6-й армии Паулюса (30 июня) действующих от Курска и Белгорода, рассекают оборону красных, загоняя в котел в районе Старого Оскола их 40-ю и 21-ю армии. При этом Вейкс, действуя подвижными соединениями 4-й танковой армии, с ходу захватывает Воронеж и форсирует Дон, а Паулюс разворачивает свою армию на юг, заходя на открытый фланг и тыл своих жертв (28-й и 38-й армиям большевиков), таким образом, завершая раз-

гром их Юго-Западного фронта... На последнем этапе (6–8 июля) в дело вступают вновь сформированные 1-я танковая и 17-я армии, опрокидывая оставшийся без поддержки правый фланг Южного фронта и устремляются на Донбасс, и далее на Кавказ.

Этот план выглядел логично, эпично, монументально и сокрушительно – так же, как и прежние планы Франца Гальдера, руководствуясь которыми, вермахт сумел разгромить Польшу, Францию, Югославию и выиграть летнюю кампанию прошлого года против Советов. Немецкие потери в таких планах всегда минимальны, русские же максимальны. Наибольшая проблема в случае успеха этого плана (а успех будет обязательно, Гитлер в этом не сомневался) – это куда опять девать несколько миллионов русских пленных...

– Выглядит просто замечательно, Франц! – Гитлер покровительственно похлопал по плечу своего военного гения. – Все сделано точно так, как я и хотел. Но скажите, нет ли здесь риска, что большевики разгадают ваш план, и получится все опять так, как зимой под Москвой или в мае под Брянском?

– Никак нет, мой фюрер, – ответил Гальдер. – Зимой наши войска были истощены, обескровлены, лишены самого необходимого. Помимо русской армии, они были вынуждены сражаться с невыносимой русской природой. Сейчас наши части полностью укомплектованы, отлично вооружены, имеют высокий боевой дух и готовы наступать хоть до Урала. Кроме всего прочего, наша разведка не обнаружила никаких

признаков подготовки к отражению нашего удара. Даже если русские спохватятся прямо сейчас, это будет только напрасной тратой сил. А что касается Брянска – это была операция с ограниченными целями, которая удалась большевикам только из-за разгильдяйства и халатности командования 2-й танковой армии. Кроме того, есть сведения, что в ходе сражения корпус Бережного понес значительные потери, в результате чего утратил боеспособность и отошел в глубокий тыл на переформирование.

Говоря это, Гальдер отчасти вводил Гитлера в заблуждение, отчасти сам добросовестно ошибался, ибо при подготовке к летней кампании 1942 года советское командование применило такие многослойные меры маскировки и дезинформации, что в них без остатка, как мухи в патоке, увязли все усилия германской разведки.

Например, удалось скрыть от взора агентов Абвера создание Центрального фронта, перевод на него генерала Жукова, а также строительство на основных танкоопасных направлениях второй и третьей полос обороны, усиленных тяжелыми противотанковыми бригадами и полками РГК. Дезинформацией был также и вывод в глубокий тыл корпуса Бережного. Наоборот, в Брянско-Орловском выступе дополнительно скрытно сосредоточились только что сформированный мехкорпус Катукова и 2-я Ударная армия генерала Черняховского, уже успевшая прославиться при прорыве блокады Ленинграда.

Между прочим, за нарушение правил маскировки командиру части грозил трибунал и штрафные роты. В те времена, если нельзя было обнаружить войска с помощью аэрофото-съемки, это значило, что их невозможно обнаружить в принципе.

Напротив, на Харьковском и Днепропетровском направлениях были созданы ложные концентрации советских войск, якобы готовящихся штурмовать Харьков, прорываясь через все три полосы немецкой обороны. Кроме всего прочего, введенный в советских тылах противодиверсионный и контрразведывательный режим принял прямо-таки драконовские меры, и большая часть заброшенных за линию фронта агентов Абвера работала под контролем людей товарища Абакумова. А люфтваффе после зимнего разгрома в значительной степени утратило свои разведывательные возможности, не говоря уже о почти полном уничтожении так называемой специальной эскадры Ровеля. Дурили советские контрразведчики голову и германскому функабверу (*радиоразведке*), где-то вводя части в режим радиомолчания, а где-то, наоборот, организуя работу радиостанций без войск.

С другой стороны, верховное командование вермахта даже и не представляло себе всех разведывательных возможностей, что имелись у подразделений советской радиоразведки и Воздушной Эскадры Особого Назначения. Не зря же при первой возможности ее вывели из боев, нацелив на выявление намерений германского верховного командования.

Можно сказать, что в Кремле и советском Генеральном штабе о подготовке к операции «Блау» знали ничуть не меньше, а может, даже и больше, чем в ОКВ. Советские военачальники делали выводы, опираясь на данные объективного контроля, а отнюдь не на основании донесений тех или иных немецких командиров.

Если бы генерал Гальдер знал об истинном положении дел, то он, наверное, схватился бы за голову и немедленно подал в отставку. Но всего этого он не знал; гитлеровский военный гений пока пребывал в блаженном неведении, обманывая как самого себя, так и Кейтеля с Гитлером.

Верховному командованию Третьего рейха казалось, что лето – это их время, и надо сделать еще лишь одно серьезное усилие, чтобы добиться окончательной победы. Ведь казалось, что на западе вопрос уже полностью решен, и осталось только разгромить огромную большевистскую империю.

До начала наступления оставалось всего две недели, и теперь, после окончательного утверждения плана Гитлером, никто и ничто уже не сможет изменить последующих событий. Двадцать второго июня, в годовщину начала войны, окончательно завершится концентрация войск, топлива и боеприпасов, после чего короткими летними ночами танки и артиллерия начнут выходить на исходные позиции для грядущего наступления.

14 июня 1942 года. Рыбинск, ОКБ-165.

Генеральный конструктор Архип Михайлович Люлька

В самом начале февраля Архипа Люльку срочно выдернули из Челябинска, где тот работал над танковыми двигателями, в Москву, и не в родной наркомат оборонной промышленности, а к грозному наркому внутренних дел Лаврентию Берии. Обычно в таких вызовах приятного было мало, но не ехать было нельзя.

Вопреки всем ожиданиям, ничего страшного с ним не произошло, если не считать кучи расписок о соблюдении мер секретности, которые ему пришлось дать перед встречей с наркомом. Поблескивая стеклышками пенсне, Лаврентий Павлович показал Архипу Михайловичу чертеж газотурбинного двигателя знакомой ему схемы и спросил, сможет ли он построить «вот это изделие» в металле в течение полугода, при условии, если ему дадут собственное КБ и необходимое опытное производство.

– В случае отказа, товарищ Люлька, – сказал грозный нарком, – у вас не будет никаких неприятностей. Вы вернетесь в Челябинск и будете заниматься доводкой танковых дизелей – делом тоже весьма полезным и нужным. А мы обратимся к другому вашему коллеге, стоящему следующим в нашем списке.

Отказаться?! Да они, наверное, смеются! Разумеется, ни о каком отказе и речи быть не могло. Архип Михайлович был фанатиком газотурбинных двигателей еще с 1929 года –

тогда он опубликовал в журнале «Техника воздушного флота» статью, в которой впервые изложил теорию работы турбореактивного двигателя со всеми его основными элементами: воздухозаборником, компрессором, камерой сгорания («котлом», по его терминологии), турбиной и соплом, тем самым предвосхитив схематику турбореактивного двигателя в мировом авиастроении будущего.

Позже, в 1933–39 годах, работая преподавателем Харьковского авиационного института, Архип Люлька провел теоретические изыскания в области конструкции турбореактивного двигателя с центробежным компрессором, а в 1939–41 годах работал над проектом двухконтурного турбореактивного двигателя с осевым компрессором – предтечей всех реактивных авиационных двигателей будущего. Потом стране стало не до реактивной авиации, и поехал Архип Михайлович в Челябинск, заниматься усовершенствованием танковых дизелей.

Продемонстрированный ему чертеж был каким-то уж слишком совершенным и соразмерным для чисто теоретической разработки очередного «безумного» ученого вроде Курчевского и Бекаури. Своим инженерным чутьем Люлька чувствовал, что этот двигатель не только строился в металле, но и прошел весь положенный цикл испытаний, избавивший его от недоработок и детских болезней.

Но ничего подобного в мировой технической литературе не проскакивало. Вроде бы этой темой занимались в Герма-

нии, но самолеты с такими двигателями все же чаще взрывались, чем летали. А тут – такое вот чудо, при ближайшем рассмотрении оказавшееся даже не до конца турбореактивным. Вторая двухступенчатая турбина не была связана с валом осевого компрессора, а имела собственный узел отбора мощности.

Дав согласие на предложенную работу, Архип Михайлович тут же стал задавать генеральному комиссару госбезопасности технические вопросы, и убедился, что тот достаточно глубоко «в теме». И вообще, если бы Лаврентий Палыч не пошел в чекисты, из него мог бы получиться неплохой инженер.

В ходе разговора с товарищем Берией выяснилось, что, по его мнению, газотурбинные двигатели с такой «свободной турбиной» пригодны к установке не только на самолеты, но и на танки, быстроходные катера и новомодные вертолеты-геликоптеры, о действиях которых в недавно завершившейся Крымской операции полнилась слухом земля.

– Так что, товарищ Люлька, такие двигатели нам сейчас гораздо нужнее, чем обычные, – закончил беседу Лаврентий Берия. – Турбореактивные, реактивные самолеты и крылатые ракеты еще немного подождут, а остальные дела ждать не будут.

Финансирование на новое ОКБ было выделено из средств, полученных за счет закрытия тупиковых проектов истребителей-перехватчиков с жидкостными ракетными двигателя-

ми, нужда в которых в последнее время отпала в связи с действиями авиационной эскадры особого назначения.

По прибытии в Рыбинск, где и размещалась новое ОКБ, Архипа Люльку ждал еще один шок: новый, в масле, двигатель-прототип ТВ-117В со всей прилагающейся к нему технической документацией, взятый из ремкомплекта эскадры адмирала Ларионова. Двигатель сопровождал инженер-двигателю, готовый дать необходимые пояснения. При сухом весе в триста килограмм двигатель выдавал полторы тысячи лошадиных сил, что было в три раза лучше, чем у самых совершенных образцов поршневых двигателей, и был почти в два раза экономней по расходу топлива на одну лошадиную силу. Такому двигателю суждено было совершить прорыв в авиастроении. И только тут Архип Михайлович наконец до конца понял, что и откуда взялось, и с энтузиазмом погрузился в работу.

Несмотря на то, что большинство инженерных решений были даны уже в готовом виде, предстояло решить множество технических задач, вроде создания еще не существующих жаропрочных материалов для лопаток турбин и камеры сгорания. Также для опытного производства были необходимы высокоточные станки для обработки деталей компрессора и турбин, а также специальные высокооборотные подшипники, аналогов которых еще не существовало.

Но эти сложности только раззадоривали Люльку как инженера. Ведь недаром в нашей истории он всего через пять

лет сумеет создать свой первый турбореактивный двигатель, стоявший на первых советских реактивных самолетах. И все это без какой-либо помощи и поддержки из будущего, только при содействии пленных немецких инженеров, владевших этим вопросом куда хуже потомков.

Четыре месяца пронесли в напряженной круговерти лихорадочной работы. При этом Лаврентий Павлович, курировавший все подобные разработки, чуть ли не ежедневно осведомлялся о состоянии дел. Конечно, это немного нервировало, но, с другой стороны, стоило Архипу Михайловичу сказать, что нужно вот это, это или это, и все искомое немедленно находилось, пусть даже нужное оборудование или материалы надо было заказывать в Америке и везти в СССР через два океана.

И наконец настал тот волнительный момент, когда на испытательный стенд установили первый, еще сшитый на живую нитку турбовинтовой двигатель ТВ-1, который из-за отсутствия независимого узла отбора мощности был несколько проще турбовального. Но тут главным было отработать схему, а дальше уже будет гораздо легче, тем более что легким и экономичным турбовинтовым двигателям тоже найдется немало работы. Например, ОКБ Яковлева уже работало над проектом турбовинтового истребителя, построенного по схеме заморской «аэрокобры» с расположением двигателя за кабиной пилота. А ОКБ Ильюшина работало над проектами турбовинтовых версий дальнего бомбардировщика-торпедо-

носца Ил-4 и бронированного штурмовика Ил-2.

На стенде новорожденный двигатель вел себя на удивление прилично, не показав ни лишних вибраций, ни перегрева и прогара камеры сгорания. Только голос у него, как и у любого младенца, оказался громкий, протяжный и звонкий – такой, что даже метрах в ста от стенда было невозможно разговаривать, а на более близком расстоянии шум доходил до болевого порога.

Когда двигатель отработал на стенде сутки, его сняли и разобрали буквально по винтику для оценки процессов износа, после чего Архип Михайлович Люлька в своем кабинете-закутке снял трубку «вертушки» и сообщил своему куратору, что «операция прошла успешно, пациент жив и почти здоров».

– Это же просто замечательно! – обрадовался Берия. – Вы, товарищ Люлька, совершили большое дело! Ваши новые моторы очень нужны Советскому Союзу, так что продолжайте в том же духе.

На этом официальная часть закончилась, и в ОКБ-165 снова начались рабочие будни. От прототипа до первых предсерийных образцов предстояло проделать еще немалый путь, а также решить множество технических и производственных проблем. Но первый шаг был уже сделан и, несмотря ни на что, первый турбовинтовой двигатель у СССР уже **БЫЛ**.

17 июня 1942 года. Узбекская ССР. Поселок Вревский Янгиюльского района Ташкентской области. Штаб 2-го Польского корпуса.

Сегодня к генералу Владиславу Андерсу явился прибывший издалека гость – и совсем не из Лондона, где случился переворот, и теперь был новый-старый король и новое правительство, а, напротив, из Берлина, куда еще осенью прошлого года генерал отправил своего доверенного человека – Леона Козловского, бывшего во времена Пилсудского премьер-министром Польши. Тогда Козловский сумел перейти линию фронта и добраться до Варшавы, но, к сожалению, о его прибытии на весь мир тут же раструбил этот идиот Геббельс, и генералу Андерсу не оставалось ничего иного, как дезавуировать беднягу Леона, а заодно заочно приговорить его к смертной казни.

Но, похоже, Козловский передал слова генерала кому надо, и вчера в штаб пришел человек, назвавшийся коммерсантом из Багдада – он предложил заключить с интендантской частью корпуса выгодный контракт на поставку мясных консервов. Так как фактически всеми снабженческими делами заведовал лично Андерс, то с коммерсантом встретился сам командующий корпусом. При встрече, уловив момент, гость из Багдада передал генералу привет от пана Леона и назвал пароль, который Андерс дал на всякий случай при расставании Козловскому. Переговорив о финансовых делах, обе договаривающиеся стороны решили продолжить обсуждение

условий контракта в неофициальной обстановке.

Генерал Андерс и Джеймс Смит (так назвал себя гость из Берлина) сидели в уютном отдельном кабинете офицерской столовой и с удовольствием ели шашлык из баранины, умело приготовленный личным поваром генерала.

– Мистер Смит, – сказал генерал своему сотрапезнику, когда они утолили первый голод и сделали паузу в трапезе, – как поживает мой друг пан Леон? Надеюсь, он в полном здравии?

– Мистер Владислав, ваш друг пан Леон жив, здоров, и доволен жизнью – ответил гость из Берлина. – Как вы понимаете, из вполне понятных предосторожностей я не взял с собой записку от него. Но он просил вам передать вот это...

И мистер Смит достал из кармана серебряный портсигар, хорошо знакомый Андерсу. Именно такой портсигар был у Козловского, и именно он должен был стать дополнительным паролем в случае отправки человека «оттуда». Этот портсигар с изображением польского орла на его крышке означал, что тот, у кого он будет в руках, заслуживает полного доверия генерала.

Андерс покрутил портсигар в руках, достал из него сигарету «Кэмел», щелкнул бензиновой зажигалкой, прикурил сам и предложил прикурить своему гостю.

– Я вас внимательно слушаю, – сказал он, сделав глубокую затяжку и выпустив изо рта струю дыма. – Ведь вы приехали сюда не только для того, чтобы передать привет от моего

старого друга?

– Конечно, – кивнул головой «коммерсант из Багдада». – Прежде всего, я хотел напомнить вам об одной организации, которая сейчас активно работает в Варшаве. Ее возглавляет инженер Витковский. . .

– Вы имеете в виду «мушкетеров»? – спросил генерал.

Мистер Смит кивнул, и Андерс продолжил:

– О «мушкетерах» мне сообщил поручик Шатковский, который нелегально перешел линию фронта и сообщил о существовании в Польше сил, которые готовы сотрудничать с немцами, помогая им разгромить Россию. Шатковский сказал, что «мушкетеры» считают Советский Союз врагом номер один, и предложили мне сотрудничать с ними, проводя в тылу русских диверсии, а после отправки моего корпуса на фронт перейти на сторону немцев. Но Геббельс испортил все дело, сообщив о вояже Леона Козловского.

– Мы весьма сожалеем об этом, господин генерал, – мистер Смит поморщился, услышав упоминание Андерса о министре пропаганды Третьего рейха. – Партайгеноссе Геббельса порою сильно заносит, и он говорит публично гораздо больше, чем следовало бы. . .

– Извините, а какое ведомство представляете лично вы? – поинтересовался у своего гостя генерал Андерс.

– Мой шеф – рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, – сухо сказал мистер Смит. – Я полагаю, что это имя и должность вам достаточно хорошо известно.

Генерал Андерс кивнул и с интересом посмотрел на своего собеседника. Он понял, что посланец одного из руководителей Третьего рейха прибыл к нему с предложением, от которого будет трудно отказаться. И не ошибся.

– Господин генерал, – начал мистер Смит, – вам, наверное, известно, что произошло недавно в Британии...

Андерс кивнул головой, и «коммерсант из Багдада» продолжил:

– Во время восстановления на престоле короля Эдуарда VIII в Лондоне были арестованы члены так называемого «польского правительства в изгнании» во главе с генералом Сикорским. Таким образом, место правителя Польши стало вакантным. И его должен занять достойный человек.

Сказав это, посланник Гиммлера многозначительно посмотрел в глаза насторожившемуся генералу Андерсу.

– Да, именно вас в Берлине хотели бы видеть во главе тех сил, которые могли бы создать новое польское государство, состоящее, естественно, в союзных отношениях с Рейхом.

– То есть фюрер считает, что Польша может возродиться? – осторожно поинтересовался Андерс.

– Именно так, – кивнул мистер Смит, – конечно, новое государство будет не совсем самостоятельно в сношениях с другими государствами. И территории, отошедшие к Третьему рейху после войны 1939 года, новой Польше вряд ли вернут. Но поляки могут рассчитывать на некоторую компенсацию, если они помогут доблестной германской армии в борь-

бе с лесными бандитами на Украине и в Белоруссии. Ведь это ваши бывшие «Кресы Восточные»? – спросил посланец Гитлера.

Генерал Андерс, внимательно слушавший гостя из Берлина, кивнул.

– Скажите, ведь вы предлагаете место правителя государства не просто так? – спросил он у посланца рейхсфюрера. – Наверняка вы потребуете, чтобы и я что-то сделал для Рейха и его фюрера Адольфа Гитлера?

– Вы правы, генерал, – мистер Смит внимательно посмотрел на Андерса. – Как я слышал, вы с вашим корпусом вскоре должны покинуть территорию Советского Союза и отправиться в Ирак для охраны нефтяных месторождений и нефтеперерабатывающих заводов. Сталин якобы дал свое согласие на вашу передислокацию еще предыдущему британскому правительству и генералу Сикорскому, так что этот вопрос можно считать решенным.

– Да, все так и есть, – кивнул Андерс. – Генерал Сикорский требовал, чтобы мой корпус отправился на фронт, но я настоял на своем. Мы готовимся к отправке в Северный Ирак. Думаю, что это произойдет в течение ближайших двух-трех недель.

– Вот и отлично, – сказал мистер Смит, – как только вы прибудете в Ирак, с вами свяжется наш человек, который поставит перед вами более конкретную задачу. Нам же важно сейчас получить ваше принципиальное согласие сотрудни-

чать с нами.

– Да, я готов оказать помощь Рейху в борьбе против русских и англо-еврейских плутократов, – решительно произнес Андерс. – Вы ведь знаете, что я приказал уволить из моего корпуса всех евреев. В своих солдатах я уверен. Они рвутся воевать с русскими – да так, что мне порой приходится их останавливать, чтобы не провоцировать местные власти. Ведь были случаи, когда солдаты корпуса срывали со зданий, где располагались советские учреждения, красные флаги. Да что там солдаты – недавно полковник Ковцун в присутствии местных жителей брякнул: «Скоро придет Гитлер – и тогда я вам покажу, что из себя представляет польский полковник!».

– Господин генерал, – посланник Гимmlера осуждающе покачал головой, – конечно, нам приятно, что ваши люди так относятся к нашему общему врагу, но все же до поры до времени не стоит дразнить гусей. Будет лучше, если вы и те из офицеров, кому вы полностью доверяете, вели тайную работу, готовя ваш корпус к участию в боевых действиях на стороне Третьего рейха. Мы помним, господин генерал, о немецкой крови, которая течет в ваших жилах, и надемся, что вы вскоре станете главой Польши. А пока я должен проститься с вами. Мне нужно срочно отправиться в Берлин, чтобы доложить рейхсфюреру о нашей беседе. Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! – ответил генерал Владислав Андерс, вставая, – надеюсь, что ваше обратное путешествие тоже

пройдет удачно.

18 июня 1942 года. Полдень. Старый Оскол, штаб Центрального фронта.

Командующий фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков

Генерал армии Жуков задумчиво разглядывал карту. Ровно месяц назад, после того знаменательного разговора с товарищем Сталиным, он прибыл на вновь формируемый Воронежский фронт. Всего лишь месяц – а казалось, что прошла целая вечность. Дела тут обстояли не столь благостно, как сказал на той встрече товарищ Сталин. Многие командиры на местах, вплоть до командармов, с прохладцей относились к работам по созданию оборонительных рубежей и тщательной маскировке позиций. Преобладали шапкозакладательские настроения: мол, зачем строить тут мощную оборону, Красная Армия все равно скоро пойдет вперед и только вперед. До самого Берлина – и тогда мы уж покажем этим немцам, где раки зимуют...

Зимние победы и Брянско-Орловская операция сильно вскружили людям головы. Но он-то, Жуков, знал, что все эти победы по большей части связаны с именем только одного человека, который кочевал вместе со своим «цыганским табором» по фронтам и гонял немцев при помощи немецкой же тактики. Но одного Бережного на весь советско-германский фронт не натянешь. Сейчас его корпус припрятан где-

то, как туз в рукаве, а значит, им тут, на Центральном фронте, придется стоять насмерть. И если они выстоят и сдержат вражеский наступательный порыв, заставив противника растратить резервы на преодоление вязкой обороны, вот тогда – тут Жуков хитро прищурился – он бы на месте Василевского нанес глубокий фланговый удар механизированным корпусом Бережного с вершины Брянско-Орловского выступа во фланг и тыл группы армий «Юг».

Задернув шторы на карте, генерал армии Жуков вернулся к своему столу, вспоминая, как месяц назад он, приняв дела, со всем своим темпераментом и неумной энергией включился в работу по формированию фронта и укреплению его обороны. Сколько километров окопов он лично облазил, переодевшись в полевую форму... Сколько командиров снял и отдал под трибунал за разгильдяйство, назначая вместо расстрелянных недоумков людей из своего проверенного кадрового резерва... Скольких нервов ему все это стоило! И теперь можно сказать, что в общих чертах подготовка к отражению немецкого наступления завершена. Направления главных ударов вермахта определены, и там выстроены наиболее мощные полевые оборонительные сооружения и сосредоточены сильные группировки противотанковой артиллерии и резервы. В этой работе ему немало помог начальник штаба фронта, его старый товарищ генерал-лейтенант Максим Алексеевич Пуркаев – человек высокой военной культуры, хорошо знающий свое дело, штабист большо-

го масштаба, и к тому же обладающий столь же неумеренной энергией, как и сам Жуков.

В значительной степени именно благодаря генералу Пуркаеву спланированная Генеральным штабом многоуровневая глубокая полевая оборона превратилась в настоящий шедевр фортификационного искусства. В штаб фронта каждый день доставлялись аэрофотоснимки советских позиций, на которых ее никак нельзя было обнаружить, а на местности все эти позиции все же существовали, прикрытые десятками километров маскировочных сетей – в этом Жуков не раз убеждался лично. Так сказать, стратегическая внезапность обороны.

Также каждый день в штаб армии доставлялись разведсводки о том, как там дела у противника. Сплошной поток танков, артиллерии, пехоты, боеприпасов и горючего подтягивался к линии фронта из глубины оккупированной территории – и застывал, будто сдерживаемый огромной плотной. Работала глубинная, воздушная и фронтовая разведки, и ни одно донесение Жуков не оставлял без внимания. Большое количество пехоты танков и артиллерии накапливалось севернее Курска, как раз напротив стыка 13-й и 40-й армий, и в районе Белгорода, напротив 21-й армии, где у немцев был небольшой плацдарм на левом берегу Северского Донца. Очевидно, намечался удар сходящимися клиньями, который разгромит и окружит основные силы 40-й и 21-й армии, после чего подвижные соединения гитлеровцев рванут

по прямой на Воронеж и дальше, вглубь советской территории. Обычная немецкая тактика блицкрига, но в этот раз он, Жуков, сделает все, чтобы поломать эти планы.

Впрочем, на отражение этого удара работала чуть ли не вся страна. Большая часть пушек ЗиС-3, выпускаемых советскими заводами, шла именно в распоряжение Центрального фронта. А уж о новых сто- и восьмидесяти пяти миллиметровых противотанковых пушках, предназначенных для качественного усиления обороны, у Жукова были самые лучшие впечатления. Он даже не представлял, что станут делать немецкие танковые командиры, когда упрутся в позиции, с которых советские артиллеристы будут одну за другой выбивать их машины на дистанциях, не допускающих ведение эффективного ответного огня. Также в резерве фронта уже имелись 5-я танковая армия генерал-майора Александра Лизюкова, укомплектованная новыми, модернизированными по последней моде, танками Т-34 и КВ и несколько полков гвардейских реактивных минометов РГК – оружия, эффективного как раз против собранного в плотные наступательные боевые порядки противника.

Именно наличие в полосе фронта этих полков, вооруженных машинами БМ-8 и БМ-13, подсказало Жукову идею проведения контрартподготовки накануне немецкого наступления. Когда разведка доложит, что противник уже вывел свои войска на исходные рубежи, то лучшим в этом случае будет обрушить на них всю мощь советской артиллерии и

нанести ему большие потери еще до начала боевых действий.

Как ни странно, эта идея не вызвала никакого отторжения в Генштабе. Напротив, Василевский, прочитав доклад подготовленный начальником артиллерии фронта генерал-лейтенанта Парсегова, пообещал дополнительно усилить фронтовую артиллерийскую группировку гвардейскими реактивными минометами, несколькими артиллерийскими полками особой мощности РГК и железнодорожными транспортерами с орудиями особо крупного калибра. Если железнодорожные транспортеры можно было использовать только против северной группировки противника на железнодорожной ветке Касторная-Щигры-Курск, то остальные средства артиллерийского усиления не были так привязаны к железным дорогам и могли быть использованы на любом угрожаемом направлении.

Кроме того, буквально в последние дни на полевые аэродромы в полосе фронта в дополнение к штатной авиации армий начал передислокацию истребительный авиационный корпус ОСНАЗ генерал-майора Руденко, предназначенный для завоевания локального господства в воздухе в небе будущего сражения. Развертывались посты ВНОС и радары, во фронтовые части массово прибывали авианаводчики. И по этой линии подготовка тоже была в разгаре.

Что бывает, когда в воздухе действует авиакорпус ОСНАЗ, показала Орловско-Брянская операция, когда такой же, но смешанный авиакорпус генерала Савицкого просто

вымел немцев с небес и господствовал там, пока не завершилась активная фаза боев. Жуков прекрасно понимал, что такое господство в воздухе и насколько оно важно как для обороняющихся, так и для атакующих. Противник заранее сосредоточил на направлении своего главного удара большие массы авиации – так что, считал он, драка в небе будет страшная, и биться за воздух советским летчикам придется насмерть. Но и Руденко командовал в битве под Брянском и Орлом отличившейся в тех боях тяжелой истребительной дивизией ОСНАЗ, а значит, командир он знающий и опытный, назначенный, как и все командиры ОСНАЗовских соединений, лично товарищем Сталиным. Потому-то у генерала армии Жукова крепла уверенность, что легкой прогулки в небе над его войсками у немецких летчиков не получится.

В последнее время в полосе фронта активизировалась деятельность немецкой фронтовой и стратегической разведки, что также указывало на близость вражеского наступления. Мобильные истребительные группы «Смерша» метались по прифронтовой полосе, пытаясь успеть везде и скрыть от противника развертывание мощной стратегической обороны. Им удалось захватить и уничтожить большое количество немецких разведгрупп, в том числе и несколько состоящих из числа переодетых в советскую форму и прекрасно владеющих русским языком диверсантов полка «Бранденбург-800». По советским тылам кочевали опергруппы-ловушки – то есть группы советских военнослужащих, которые

выглядели крайне безобидно и будто специально напрашивались, чтобы их взяли в качестве языков. На самом же деле они состояли из опытейших «волкодавов» с подстраховкой.

Генералу Жукову даже представили для награждения «Знаменем» худенького, белобрысого и конопатого паренька, сыгравшего главную роль при захвате как раз «бранденбургской» группы. Оказалось, что у этого с виду еще совсем мальчишки имеется «личное немецкое кладбище» поболее, чем у иного матерого снайпера. Такие дела...

А дни неумолимо сменялись днями, месяц июнь катился к своему закономерному концу, и недалек был уже тот час, когда Третий Рейх и СССР поставят все на кон в самом титаническом сражении за всю историю войн.

19 июня 1942 года, Вечер. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Присутствуют:

Верховный главнокомандующий Иосиф Сталин;

Начальник Красноводского временного лагеря для польских военнослужащих, подполковник войска польского Зигмунд Берлинг;

Командир 1-го чехословацкого отдельного пехотного батальона, подполковник чехословацкой армии Людвиг Свобода.

Подходил к концу июнь сорок второго года. Предгрозовая тишина на фронтах почти явственно потрескивала электри-

ческими разрядами, в любой момент готовая разразиться бурей невероятной силы. То тут, то там немецкая пехота предпринимала короткие, но массированные атаки под прикрытием артиллерийского огня, которые парировались массивным пулеметным огнем и контратаками советской пехоты, что можно было расценить как отвлекающие действия или разведку боем. Германская сторона готовилась к еще одному прыжку на восток, а советские войска застыли в напряженной готовности, ожидая немецкого наступления.

И в этот самый напряженный момент Верховный Главнокомандующий страны, сражающейся за свое существование, нашел время встретиться с двумя иностранными офицерами не самого высокого ранга. Не все было так просто. Переворот в Лондоне и ликвидация лондонских эмигрантских правительств генерала Сикорского и Бенеша вызвали необходимость формирования просоветских польских и чехословацких частей, поскольку в связи с крахом Британии появилась возможность не создавать какой-то там дурацкий соцлагерь, а просто включать освобожденные страны в состав СССР на правах союзных республик. Сталин решил воспользоваться этой возможностью. Победитель в этой войне должен получить все.

Польская армия генерала Андерса фактически вышла из-под контроля советского руководства, а ее командующий вступил в тайный сговор с эмиссарами фашистской Германии. Об этом Сталину доложили вчера вечером, ибо това-

рищи из НКВД не даром едят свой хлеб. Окончательное решение по Андерсу и его армии будет принято на днях, но, исходя из того, что удалось узнать, уже было понятно, что создание армии под его руководством было ошибкой. Всю работу по формированию новых польских частей, которые будут сражаться с врагом, а не околачиваться в тылу, было решено поручить подполковнику Берлингу, который являлся «проверенным вариантом» и наилучшим образом подходил для этой цели.

Кроме того, во время зимних боев на Донбассе в окружение под Сталино попала 1-я словацкая механизированная бригада, в полном составе потом сложившая оружие и сдавшаяся в плен советским войскам. В отличие от немецких пленных, направленных на тяжелые работы в советском тылу, пленные словаки жили в лагерях в довольно приличных условиях, на положении интернированных, а не военнопленных. Некоторое количество пленных словацких солдат и офицеров уже вступили в батальон подполковника Свободы, да и остальные тоже изъявляли желание к ним присоединиться.

– Я пригласил вас сюда, – для важного разговора, – сказал Сталин, пройдясь перед гостями туда-сюда по своему кабинету. – После произошедшего в Британии профашистского переворота политическая обстановка в Европе радикально изменилась. Теперь ни одна оккупированная Гитлером страна не имеет своего законного, пусть и находящегося

в эмиграции, правительства, и всю систему власти в ваших странах после их освобождения придется выстраивать заново. Советский союз может только помочь вам освободиться от германского ига, а остальное вы должны совершить сами, сделав все возможное, чтобы власть у вас не захватили какие-нибудь политические авантюристы. Лучшим аргументом в пользу правильного государственного устройства ваших стран должно стать создание новых вооруженных сил, которые, сражаясь против гитлеровских полчищ плечом к плечу с Красной Армией, уничтожат в Европе фашистскую заразу и скажут свое веское слово в послевоенном политическом раскладе. Ибо, как сказал один умный человек, «винтовка рождает власть».

– Господин Сталин, а как же быть со 2-м Польским корпусом, почти сформированным генералом Андерсом? – спросил Зигмунд Берлинг.

– Генерал Андерс полностью утратил представление о существующей реальности, – ответил Сталин, резко повернувшись в сторону польского подполковника. – Правительство генерала Сикорского, которому он подчинялся, больше не существует. А генерал Андерс вступил в тайный сговор с представителями нацистской Германии. Ему было обещана должность генерал-губернатора Польши, которую немцы сейчас называют Генерал-губернаторством. Как и положено сатане-искусителю, эмиссар рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера пообещал генералу все царства земные и небес-

ные. И господин Андерс не смог устоять перед искушением и согласился на все предложения Гитлера.

– Господин Сталин, – подполковник Берлинг вскочил со стула и гордо вскинул голову, – вы полностью уверены, что генерал Андерс собирается продаться нацистам?

Сталин подошел к Берлингу, и пристально посмотрел ему в глаза.

– Наши органы госбезопасности на обратном пути сумели захватить немецкого курьера, который побывал в штабе генерала Андерса, и вел с ним переговоры, казал он. – Курьер оказался личным представителем Гимmlера. Завтра его доставят в Москву, и, если вы пожелаете, вам предоставят возможность поприсутствовать при его допросе. Кроме того, подтвердилось и то, что переход бывшего премьер-министра и военного министра Польши Леона Козловского через линию фронта с целью предложить сотрудничество нацистам было осуществлено по прямому указанию генерала Андерса, искавшего контактов с руководством фашистской Германии. Это тот чуть ли не единственный случай, когда сообщение господина Геббельса оказалось правдивым от начала и до конца.

После этих слов Сталина лицо подполковника Берлинга исказила гримаса гнева.

– Курва, пшеклентый здрайца! – выругался он по-польски и добавил на русском: – Андерс – это мерзавец, который лижет зад германцам, в то время как наша родина стонет

под пятой оккупировавших ее гитлеровцев, а честные поляки каждый день гибнут в концлагерях...

– Подполковник, – Сталин успокаивающе положил ладонь на плечо Берлинга, – вы совершенно верно оцениваете роль генерала Андерса и его личные качества. В самое ближайшее время его корпус будет расформирован и начнется следствие. Но ведь не все польские солдаты и офицеры разделяют идеи генерала Андерса. Многие из них ненавидят немцев и хотят сражаться с нашим общим врагом. Кроме того, на территории СССР есть немало польских граждан и советских людей польского происхождения, с самого начала не пожелавших вступать в корпус генерала Андерса, который, собственно, был слепком со старой Польской армии, предназначенной воевать не против Германии, а против СССР. Вы уже знаете, что недавно эти люди, не разделяющие идей генерала Андерса, создали «Związek Patriotów Polskich» («Союз польских патриотов»), возглавляемый Вандой Василевской. С помощью этого союза вы и сформируете из всех здравомыслящих поляков, находящихся в данный момент на территории СССР, 1-ю дивизию нового Войска Польского. То же самое касается и товарища Свободы, который из числа словаков, находящихся в нашем плену, а также чехов, проживающих в СССР, должен развернуть свой батальон в полноценную пехотную бригаду. Товарищ Свобода уже воевал с немцами во время Первой мировой войны бок о бок с русскими солдатами. Причем, если мне память не изменяет, вы

были награждены за храбрость двумя Георгиевскими крестами?

Подполковник Свобода кивнул, польщенный тем, что советский вождь помнит о его боях с немцами под Бахмачем и Зборовым, и в то же время тактично умалчивает об его участии в боях против частей Красной Армии в составе Чехословацкого корпуса.

– Вы должны понять: идет тяжелейшая война, в ходе которой решается будущее мира, – продолжил Сталин. – Вопрос стоит так: или победит Третий рейх, и «неполноценные», с точки зрения Гитлера, народы будут уничтожены нацистами; или приверженцы самой античеловечной идеологии будут разгромлены, и человечество начнет строить справедливое общество, без войн и насилия. Мы хотим, чтобы в этом обществе не было голода, нищеты и эксплуатации человека человеком. Люди должны свободно решать свою судьбу, а не подчиняться решениям, принятым в Лондоне, Париже, Берлине или Вашингтоне.

– Господин Сталин, – произнес Берлинг, внимательно выслушавший советского вождя, – значит ли это, что после войны вы не будете силой устанавливать в европейских странах свои советские порядки?

– Так и есть, – кивнул Сталин. – Да и зачем нам это надо? Пусть народы ваших стран сами установят те порядки, которые им наиболее подходят, а мы лишь проследим, чтобы им в этом никто не помешал. Конечно, мы не самоубийцы, и не

допустим к власти тех, кто враждебно настроен к Советскому Союзу, тех, кто разжигал эту войну, и тех, кто пособничал Гитлеру. У нас хорошая память, и мы хорошо помним Мюнхенский сговор, раздел Чехословакии, тех, кто не дал нам оказать ей помощь, нападение на Польшу... и прочие события, с помощью которых западные страны, в первую очередь Англия и Франция, поощряли фашистскую Германию к нападению на Советский Союз.

– Это хорошо, – сказал Людвиг Свобода, – в Мюнхене произошло преступление, жертвой которого стали не только чехи и словаки, но и все народы Европы. Преступление должно быть наказано, а преступники должны сидеть в тюрьме.

– Вы правы, подполковник, – произнес Сталин. – А пока же нам надо разбить нацистов, и сделать так, чтобы в Европе больше никогда не лилась кровь. Работы у нас будет много. Но мы помним, что сказал товарищ Молотов 22 июня 1941 года – в день, когда Гитлер напал на СССР: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами»...

20 июня 1942 года, Полдень. Соединенные Штаты Америки, Вашингтон, Белый Дом, Овальный кабинет.

Присутствуют:

Президент США Франклин Делано Рузвельт;

Вице-президент Генри Уоллес;

Госсекретарь Карден Халл;

Помощник президента Гарри Гопкинс;

Начальник штаба президента адмирал Уильям Дэниэл Лехи;

Директор Управления координатора информации полковник Уильям Донован.

Слуга-филиппинец бережно вкатил кресло с президентом Рузвельтом в Овальный кабинет и, тихо ступая белоснежными ботинками по ковру, вышел, плотно закрыв за собой двери. В помещении наступила гробовая тишина.

– Джентльмены, – прервал наконец затянувшееся молчание президент, – военная ситуация на Тихом океане снова внезапно осложнилась. Адмирал Нимиц оказался растяпой, ничуть не лучше адмирала Киммеля. Он дал возможность японцам поймать себя в такую же ловушку. Наш флот изрядно побили. Не так ли, адмирал? – Рузвельт посмотрел на начальника своего штаба.

– Мистер президент, нашего флота на Тихом океане больше нет, – мрачно сказал адмирал Лехи, – уцелели лишь несколько подводных лодок, находившихся на тот момент на своих позициях в океане, да авиационная группировка на островах Мидуэй. И это все. Ближайшая к театру военных действий наша военно-морская база – это Сан-Франциско. Десятого июня, за сутки до японского нападения, через Панамский канал из Атлантики на Тихий океан проследовал наш новейший линкор «Норт Кэролайн». По счастью, он так и не успел прибыть на Гавайи. Но, поскольку один

линкор погоды не делает, командование флота отдало распоряжение вернуть его обратно в Атлантику. Однотипный ему линкор «Вашингтон» в настоящий момент проходит текущий ремонт в Нью-Йорке после возвращения из операции по проводке Арктических конвоев в Советскую Россию. Линкоры следующей серии – «Саут Дакота», «Индиана» и «Массачусетс» – хотя и приняты в состав флота, но не успели еще пройти полного курса боевой подготовки и слаживания команд. Ожидаемое время их готовности – не ранее сентября-ноября этого года. Самое скверное заключается в том, что мы потеряли все свои авианосцы, за исключением малыша «Уоспа». А новые авианосцы войдут в строй еще нескоро. Головной корабль следующей серии, «Эссекс» – где-то в феврале-марте следующего года, четыре же его сестершипа, находящиеся пока на стапелях – не ранее следующего лета. И это пока все. Программа массового строительства авианосцев в данный момент находится лишь в стадии обсуждения.

– Очень хорошо, адмирал, – кивнул президент Рузвельт, – в смысле, конечно, хорошо то, что вы владеете обстановкой. Но на самом деле все очень и очень плохо. Этот японский хитрец Ямамото опять сумел сделать выигрышный ход, перебив всю посуду на нашей кухне. Джентльмены, нам теперь необходимо хорошенько подумать, как выходить из этой неприятной ситуации.

– Нынешняя война на море – это прежде всего война авианосцев, – угрюмо сказал адмирал Лехи, озабоченно потирая

морщинистый подбородок. – Без прикрытия с воздуха наши линкоры просто обречены на гибель. Паритета в авианосцах с японским флотом мы сможем достичь не ранее следующего лета, а получить над ним превосходство – только к началу 1944 года.

– Понятно, адмирал, – кивнул президент. – Джентльмены, кто хочет высказаться по этому вопросу?

– А что думает об этом дядюшка Джо? – осторожно поинтересовался госсекретарь Карден Халл. – Может быть, все-таки удастся уговорить его открыть Второй фронт на Дальнем Востоке против Японии?

– В данный момент это маловероятно, – тяжело вздохнул помощник президента Гарри Гопкинс. – Во время нашей последней с ним встречи он ясно дал понять, что, пока перед ним стоит проблема Гитлера, никаких новых кампаний он начинать не собирается. В конце концов, он абсолютно прав – ведь это немцы сейчас находятся в центре России, а не русские стоят у ворот Берлина.

– К тому же следует учесть, что у русских традиционно сильная именно армия, – добавил адмирал Лехи. – Но им пока нечего противопоставить на Тихом океане японскому флоту. Русский флот, базирующийся там, мал и имеет преимущество перед японцами лишь в подводных лодках. Но почти все они небольшого радиуса действия и предназначены для обороны своего побережья. Мистер президент, если русские и вступят в войну против японцев, то это будут две

разных войны. И даже от успехов русской армии в Китае нам будет ни холодно, ни жарко. Вот когда придет время добивать зверя в его логове – я имею в виду высадку десантов непосредственно на побережье Японских островов – тогда помощь русских будет для нас совершенно неоценима.

– Понятно, джентльмены, – вздохнул президент Рузвельт, – значит, нам не стоит рассчитывать на помощь своих союзников, и придется выкручиваться из создавшейся ситуации исключительно собственными силами. А силы эти, хотя весьма и весьма велики, все же надо хорошенечко обдумать, как их правильно использовать...

– Мистер президент, – неожиданно произнес молчавший до этого момента Уильям Донован, – нашей разведке стало известно, что у русских появилась аппаратура, позволяющая с высокой точностью применять тяжелые бомбы с высотных бомбардировщиков по подвижным и неподвижным целям ограниченных размеров. Уже более полусотни важных стратегических объектов в Германии были уничтожены после попадания единственной тяжелой бомбы, сброшенной с одиночного самолета. Да и гибель «Тирпица» наводит на подобные мысли. Как доложили наши агенты, на него было сброшено всего четыре бомбы, и все четыре попали в цель. Если бы дядюшка Джо поделился с нами своими секретными технологиями, это стало бы для нас ощутимой поддержкой в борьбе с японским флотом. Располагая таким эффективным оружием, мы добились бы того, что японские корабли

были бы вынуждены держаться от наших берегов на расстоянии, превышающем радиус действия наших дальних бомбардировщиков Б-17.

– А вот это очень интересно, – сказал президент Рузвельт и пристально посмотрел на вице-президента Уоллеса. – Генри, вы только что прилетели из Москвы – что вы можете сказать нам по этому поводу?

Вице-президент Уоллес, прибывший на это совещание, что называется, «с корабля на бал», то есть прямо с прилетевшего из СССР самолета, сидел в дальнем углу стола задумчивый и погруженный в какие-то свои мысли. Он сейчас не был похож на самого себя – энергичного, улыбчивого и никогда не унывающего человека. Услышав вопрос президента, он тяжело вздохнул.

– Мистер президент, – произнес Уоллес, – прежде чем давать вам советы и рассуждать о нашей стратегии войны на Тихом океане, я хотел бы попросить вас закончить это совещание. Я понимаю, что вопросы, которые здесь обсуждаются, очень важные, но, поверьте, информация, которую я привез вам из Москвы, во много раз важнее.

Рузвельт, немного подумав, кинул головой и, извинившись перед приглашенными, попрощался с ними. Удивленные и донельзя заинтригованные Карден Холл и адмирал Ле-хи, перешептываясь, первыми направились к выходу. Гарри Гопкинс – видимо, догадавшись, о чем здесь сейчас пойдет речь – пробормотал себе под нос: «Старшие братья, я так и

знал...», пошел вслед за ними. Последним Овальный кабинет покинул полковник Donovan, бросив злобный взгляд на вице-президента...

20 июня 1942 года, Полдень. Соединенные Штаты Америки, Вашингтон, Белый Дом, Овальный кабинет.

Присутствуют:

Президент США Франклин Делано Рузвельт;

Вице-президент Генри Уоллес.

Когда дверь в Овальный кабинет закрылась, Рузвельт взял со стола длинный и тонкий мундштук, вставил в него папиросу, прикурил и внимательно посмотрел на своего вице-президента.

– Генри, – сказал он, – я понял, что у тебя состоялся откровенный разговор с русским лидером. И ты узнал из него такое, чего даже уважаемому мной Гарри Гопкинсу не следует знать. Хотя, по-моему, он уже кое о чем догадывается.

– Да, Фрэнк, – Уоллес зябко пожал плечами, – ты ведь знаешь, что я в свое время был другом русского философа Ника Рериха и вместе с ним ждал прихода мудрых гуру из Шамбалы. И, похоже, они явились...

Рузвельт чуть не поперхнулся табачным дымом и положил недокуренную папиросу на край пепельницы.

– Гарри, не тяни, рассказывай – что тебе сказал дядюшка Джо?

– Фрэнк... – попытался улыбнуться Уоллес, но улыбка его

была больше похожа на гримасу, – я понял, что Сталин – это такой человек, который видит нас всех насквозь, словно просвеченных рентгеновскими лучами. Это я к тому, что у него теперь есть свой «стоп-лист», и доступ к этим сокровенным знаниям для нас зависит от того, какой в будущем станет наша Америка. Если она останется Америкой вашего «Нового Курса», то Сталин согласится сотрудничать с нами без всяких ограничений. Во всяком случае, именно об этом было сказано в нашем разговоре в Кремле. В противном случае он придержит эти козыри в своем рукаве, чтобы выложить их потом в игре против ваших преемников. Я понял, что русские могут заглядывать в будущее, черпая отсюда уникальную информацию. В общем, Фрэнк, мистери Сталину известно будущее Америки, и это будущее в первую очередь не обрадует именно тебя, как президента США. Я встречался и разговаривал с людьми, которых мистер Даллес в прошлый раз назвал «чертиками». И теперь я знаю то, что знают они.

Расстегнув портфель, вице-президент Уоллес вытащил из него толстую папку.

– Вот мой доклад на эту тему, предназначенный только для тебя, Фрэнк, – произнес он, протягивая ее Рузвельту. – Там же лежат предложения Сталина об условиях заключению между СССР и США нового, долговременного союза.

Рузвельт, стараясь удержать дрожь в руках, взял папку и стал жадно перебирать лежавшие в ней бумаги. Время от

времени он, схватив заинтересовавший его документ, впивался в него глазами. В Овальном кабинете наступила тишина. Вице-президент безучастно смотрел в окно. Он чувствовал страшную усталость. И не от того, что Уоллес за долгую дорогу из Москвы в Вашингтон практически не сомкнул глаз. Его давила к земле чудовищная тяжесть знаний, которые он получил в ходе визита в Страну Советов. Действительно, правильно написано в Библии: «От многих знаний – многие печали».

Бегло просмотрев бумаги в папке и отдельно перечитав несколько раз перевод письма Сталина, Рузвельт вздохнул и вопросительно посмотрел на Уоллеса.

– Генри, мы с тобой знакомы уже немало лет, – сказал он, – скажи мне откровенно: этому... – президент указал на лежащие перед ним бумаги, – можно верить? Я не про «шалости» полковника Донована, меньше всего думающего о том, как победить этого нехорошего парня Гитлера и джапов, которые, правда, сейчас побеждают нас... Тут все ясно: в нашем огороде необходимо произвести основательную прополку. К тому же события в Британии и возросшая угроза на Тихом океане не оставляют нам другого выбора. Полковник Донован – он ведь не один такой. В наших политических кругах найдется еще немало персонажей, которые могут решить, что договоренность с Гитлером и установление в США фашистской диктатуры – наименьшее из двух зол. Эти люди будут пострашнее адмирала Ямамото. Дело в том,

что японец сражается за свою страну, а эти – лишь за личное благополучие, пусть даже оно будет достигнуто ценой свободы всего американского народа. Впрочем, это дело для Генерального прокурора. Хотя...

Рузвельт на мгновение задумался и внимательно посмотрел на Уоллеса.

– Знаешь, Генри, мне кажется, что все же не стоит давать этому делу официальный ход. Я думаю послать его завтра с инспекционной поездкой на Западное побережье. Допустим, в Сан-Франциско. Пусть он разберется в условиях базирования там остатков нашего флота. Но ведь Калифорния – это так далеко... И бывает, что с самолетами в дороге случаются разные неприятности.

– Я понял тебя, Фрэнк... – Уоллес нагнул голову, словно отдавая последние почести еще живому полковнику Доновану. – Я уже сегодня начну набрасывать роскошный некролог для «Вашингтон пост», в котором расскажу о безвременно ушедшем от нас славном воине и настоящем патриоте.

– Вот и отлично, Генри, – Рузвельт улыбнулся краешком губ, – а пока нам надо подумать и о делах военных. На днях я приказал адмиралу Лехи приступить к разработке плана мероприятий, необходимых для обеспечения безопасности нашего Тихоокеанского побережья и свободы нашего судоходства в прибрежных водах обоих американских континентов, от мыса Горн до Аляски. Если мы сумеем договориться с дядей Джо, то у нашего флота быстро появится много новых

образцов вооружений, которые станут неприятным сюрпризом для японцев. И нельзя оставлять без внимания Канаду. Там в любой момент может сложиться весьма неблагоприятная ситуация. Нам придется считаться с тем, что, вероятно, придется дать добро на военную операцию при первом же подозрительном движении со стороны мистера Кинга.

– Меня больше беспокоит наше будущее... – Рузвельт тяжело вздохнул и вытащил из папки фотографию весьма неприятного на вид негра. – Это некто Барак Хуссейн Обама. Появившись на свет как следствие внебрачной связи белой и приехавшего в Америку кенийца, он сумел пробиться по карьерной лестнице, и в 1997 году стать сенатором от штата Иллинойс. В конечном итоге в 2008 году этот мулат, которого у нас не взяли бы даже разносчиком почты ни в одну приличную контору, вполне законно был избран сорок четвертым президент США от нашей, между прочим, демократической партии, а в 2012 году – переизбран на второй срок. При нем федеральный государственный долг достиг космической цифры в пятнадцать триллионов долларов и продолжает расти на один триллион долларов каждый год.

– Я уже знаю об этом, Фрэнк, – с горечью вздохнул Уоллес. – Это просто чудовищно – триллион долларов в год!

– Да, Генри, триллион долларов в год, – сказал Рузвельт и захлопнул папку. – Ты хочешь, чтобы твои внуки жили в такой Америке? Я, например, нет. А ведь к этому нас в конечном счете приведут такие, как полковник Донован и сто-

ящие за ним политические круги. И мы должны сделать все, чтобы им в этом помешать. Не так ли, Генри?

– О да, Фрэнк, – ответил вице-президент, – надо сделать все, и даже более того. Я не хотел бы, чтобы мои внуки жили в той Америке, о которой рассказали люди из будущего. Это просто ад крошечный.

– Генри, – голос Рузвельта снова звучал спокойно, – мы должны внимательно разобраться в том, что нам предлагает дядюшка Джо. Удивительно, но именно этот большевик протягивает нам руку помощи.

– Дядюшка Джо, – задумчиво произнес президент Рузвельт, – на время войны предлагает нам заключить самый тесный военный союз, а после ее завершения он хочет разделить власть над миром. Но при одном условии. Он хочет, чтобы мы договорились о взаимном невмешательстве во внутренние дела друг друга. Ради этого каждый из нас должен навести порядок на своем ранчо. Он – распустить Коминтерн и убрать от власти сторонников так называемой «мировой революции», а мы – закрепить политику «Нового Курса» и дать по рукам таким, как полковник Донован и его политические покровители.

– Фрэнк, я полагаю, что это вполне приемлемо, – кивнул Уоллес, – но ведь правильно говорится, что дьявол прячется в деталях...

– А вот деталями придется заняться тебе, Генри, – заметил Рузвельт. – Можешь привлечь к работе госсекретаря

Халла, естественно, не раскрывая ему все карты. Этот договор с Советами должен был выверен и вылизан так, чтобы в нем не было ни одной неясности, и ни одного места, допускающего различные толкования. Ибо от этого зависит будущее Америки, да и всего мира. А пока... – Рузвельт посмотрел на Уоллеса, и тот вдруг понял, что перед ним сидит в инвалидной коляске смертельно уставший пожилой человек. – Генри, извини, но я хотел бы немного отдохнуть и еще раз перечитать бумаги, которые ты привез из Москвы. Да и тебе не мешает отдохнуть. Мы с тобой славно поработали, и заслужили хотя бы несколько часов покоя...

21 июня 1942 года, Полдень. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Генеральный комиссар госбезопасности, поблескивая стеклышками своего пенсне, вошел в кремлевский кабинет Верховного, держа в руках большую красную папку.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – поздоровался он с вождем.

– Добрый день, Лаврентий... – Сталин и с интересом посмотрел на Берию, покрасневшие глаза которого свидетельствовали о том, что этот человек не спал, как минимум, сутки, поддерживая себя крепким чаем и сигаретами.

– Не такой уж он и добрый, товарищ Сталин, – сказал Берия, раскрывая папку, – я к вам, собственно, по делу 2-й польской армии генерала Андерса. В ходе следствия появи-

лась интересная информация.

– Ну и что выяснило следствие? – поинтересовался Сталин.

– Нам удалось установить, что некто Джеймс Смит, якобы британский коммерсант, – Берия достал из папки лист бумаги, – арестованный органами госбезопасности в Ташкенте, был доставлен самолетом в Москву и допрошен во внутренней тюрьме НКВД с применением спецмедикаментов. В результате допроса выяснилось, что имеет место заговор с целью перехода армии генерала Андерса на сторону фашистской Германии и нанесения поляками удара в тыл союзническим войскам. Хотя во время переговоров между Андерсом и Джеймсом Смитом, который на самом деле является агентом рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, речь шла о том, что польская армия должна поднять восстание только после ее выхода в Ирак. Суть этого плана заключается в следующем. Переведенные из СССР поляки будут расквартированы в Ираке, в местах нефтедобычи. По приказу из Берлина они поднимут мятеж, захватят нефтепромыслы и будут удерживать их до подхода немецких дивизий Африканского корпуса, наступающих со стороны Египта. Немцам позарез нужна нефть. Ради нее они и начинают генеральное наступление на нашем фронте. Гитлер прекрасно понимает, что без нефти он войну с нами проиграет. Вот что он сказал недавно на совещании в ОКВ... – Берия достал из своей еще одну бумагу и прочитал: – «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного,

я должен покончить с этой войной».

– Гитлер рассуждает правильно, – сказал Сталин, – нефть – это кровь войны. Без нее Германия будет страдать малокровием и долго не протянет. Гитлер понимает, что наступление на Восточном фронте может закончиться неудачей. Потому он и хочет подстраховаться, попытавшись захватить нефтепромыслы Ирака. А сил там у союзников мало, очень мало. Возможно, что деморализованные всем происходящим в метрополии английские войска не выдержат удара Африканского корпуса немцев. И тогда – все... Фронт британцев окончательно развалится, и немецкие танки стремительно рванутся в Сирию и Ирак. А там их уже будут ждать мятежные поляки, передав фашистам целехонькими нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие заводы...

– Товарищ Сталин, вместе с агентом Гимmlера в Москву были доставлены все материалы, собранные НКВД и армейскими особыми отделами, о настроениях в армии генерала Андерса, – сказал Берия. – А настроения эти, особенно в офицерской среде, скажем прямо, носят резко антисоветский характер. Отмечены не только случаи открытых высказываний соответствующего содержания, но и факты срыва красных флагов со зданий местных органов советской власти и намерения некоторых польских солдат и офицеров, попав на фронт, обратить оружие против Красной Армии.

– Лаврентий, с этой армией потенциальных предателей надо кончать, – твердо сказал Сталин. – Она может доста-

вить нам большие неприятности. Мы не имеем права игнорировать полученную информацию, особенно в преддверии грозных событий на нашем фронте. Армия генерала Андерса должна быть расформирована, а все причастные к заговору, а также сочувствующие им лица, должны быть строго наказаны.

Берия переложил несколько листов в своей папке.

– Операция по разоружению и расформированию армии Андерса уже спланирована и находится на завершающем этапе подготовки к ее реализации, – доложил он. – Предполагается провести ее послезавтра на рассвете, около четырех часов утра. Пока сотрудники местного НКВД на городских квартирах будут брать под стражу старших офицеров, польские воинские части будут блокированы армейскими подразделениями Красной Армии в своих казармах и разоружены под угрозой применения оружия. Потом начнется следствие, которое и отделит виновных от невиновных.

– Хорошо, Лаврентий... – Сталин медленно прошелся по кабинету. – Но, судя по имеющимся у тебя материалам, виновных среди поляков будет куда больше, чем невиновных. И что, всем высшую меру?

– Товарищ Сталин, – ответил Берия, – по моему мнению, с одной стороны, высшая мера – это перебор, а с другой стороны, она не отражает всю тяжесть содеянного. Предательство – это тягчайшее преступление в военное время, и его нельзя прощать. Надо наказывать, и наказывать максимально стро-

го. Для тех поляков, которые будут избалованы в подготовке к мятежу, высшую меру мы заменим десятью годами лагерей и отправим их в Зеравшан, находящийся поблизости от места их нынешней дислокации. Там сейчас как раз не хватает рабочих рук на строительстве железнодорожной ветки, шахт и обогатительного комбината. Условия работы там максимально тяжелые: днем – испепеляющая жара, до пятидесяти градусов в тени, ночью – леденящий холод. Ручной труд, механизации из-за сложностей военного времени почти никакой. А по плану уже в ноябре обогатительный комбинат должен дать первый золоторудный и урановый концентрат. В связи со всем вышесказанным, среди заключенных отмечена довольно высокая смертность. Взятые зимой в плен ээсовцы, крымско-татарские, украинские и прибалтийские предатели уже заканчиваются, и на строительстве срочно нужен новый спецконтингент.

– Я тебя понял, Лаврентий, – кивнул Сталин, возвращаясь к своему рабочему столу, – и согласен с твоим решением. А теперь доложи, как продвигаются наши дела по Атомному проекту...

Берия достал из нагрудного кармана белоснежный платок и, собираясь с мыслями, стал протирать им свое пенсне.

– Комбинат в Зеравшане по добыче урана – это только малая часть проекта, – сказал он. – Кроме того, определено место для строительства завода по производству тяжелой воды, место для строительства первого экспериментального тяже-

ловодного реактора на природном уране для наработки оружейного плутония-239. Идут работы по созданию предприятий, производящих сверхчистый графит, гексафторид урана и осуществляющих газодиффузионное разделение изотопов урана. На основе информации, полученной из будущего, разрабатываются конструкции водо-водяных реакторов двухцелевого назначения. Всеми теоретическими разработками занимается группа советских ученых в составе Курчатова, Харитона, Александрова и Доллежала и их сотрудников. Вместе с ними над Атомным проектом работают вывезенные нашими товарищами из Америки Джулиус Оппенгеймер и Лео Сциллард. Весьма продуктивно, надо сказать, работают. Но внешнеполитическая обстановка ТУТ у НАС радикально отличается от той, что была в истории наших потомков, да и без Гровса, Оппенгеймера и Сцилларда Манхэттенский проект будет продвигаться куда медленней, чем в нашей истории. Поэтому основной упор в работах сделан не на создание ядерного оружия, а на разработку установок для промышленного получения энергии, пригодных также в качестве силовых агрегатов для больших надводных кораблей и подводных лодок, в том числе и для мощных атомных ледоколов, предназначенных для освоения Арктики.

Верховный на некоторое время задумался.

– Лаврентий, – сказал он, – а ты уверен, что правильно выбрал приоритеты? Что мы будем делать, если, как и тогда, опять начнется гонка атомных вооружений, и мы снова ока-

жемся в ней в положении догоняющих?

– На этот случай, – ответил Берия, – мы разрабатываем проект тяжеловодного реактора на природном уране, основной продукцией которого будет оружейный плутоний-239. Надо иметь в виду, что, имея разработанные технологии обогащения урана и двухцелевые промышленные реакторы, нам будет гораздо проще развернуть промышленное производство ядерного оружия, чем если бы мы попытались заняться этим на пустом месте. Кроме того, на эскадре адмирала Ларионова имеется в наличии восемь спецбоеприпасов со средствами их доставки. Четыре – на ракетном крейсере «Москва», четыре – на атомной подводной лодке «Северодвинск», и одна ядерная глубинная бомба – на большом противолодочном корабле «Североморск».

– Очень хорошо, – кивнул Сталин, – в конце концов, мы можем попытаться договориться с Рузвельтом и полностью исключить ядерное оружие из реальности нашего мира. Так будет спокойнее всем. Но это дело хоть и обозримого, но отдаленного будущего. Поэтому работы над созданием нашей атомной бомбы должны быть продолжены. У тебя все, Лаврентий? Тогда можешь идти, работай дальше и продолжай держать меня в курсе дел.

22 июня 1942 года. Токио. Дворец императора Японии Хирохито.

Командующий объединенным флотом Японии ад-

мирал Исороку Ямамото

Чтобы наконец-то решить, пожалуй, самый важный вопрос войны: куда нам двигаться дальше – сегодня утром я попросил аудиенции у нашего Божественного Тэнно.

Захват Гавайских островов и окончательный разгром Тихоокеанского флота Соединенных Штатов сделал нас хозяевами на всем огромном пространстве от Мадагаскара до Австралии. Противостоять императорскому флоту Японии было просто некому. Британские корабли трусливо прятались в гаванях Индии и Цейлона, а о десятке крейсеров Австралии и колониального флота Голландии можно было и не вспоминать. Предстояло подвести итоги первых шести месяцев боевых действий, которые оказались для нас на удивление удачными.

Сухопутные войска и военно-морские силы Японии добились крупных успехов. Создались благоприятные условия для обороны нашей территории, для поддержания важнейших коммуникаций. В мае капитулировали войска американцев и филиппинцев на острове Коррехидор. Генерал Макартур трусливо бежал с Филиппин, бросив своих солдат. И хотя кое-где на островах архипелага и остались отдельные очаги сопротивления, но это была уже агония. К нам в плен попало почти сто тысяч американцев и филиппинцев. На остальных направлениях все операции завершились примерно на месяц раньше намеченного срока. Наши потери в личном составе, вопреки ожиданиям, оказались незначи-

тельными. Досрочное завершение операций в районах Южных морей дало возможность раньше срока перебросить войска для проведения Бирманской операции. Военно-морские силы нанесли сокрушительный удар по главным силам американского и английского флотов на Тихом океане, понеся при этом неожиданно малые потери. Незначительными оказались и потери нашей армейской и морской авиации.

В результате крупных военных успехов Япония смогла захватить районы Южных морей с важнейшими источниками сырья, нарушить поставки важнейших видов сырья в США и Англию. Следовательно, материальное обеспечение войны стало более благоприятным, чем это предусматривалось. Необходимо было, однако, уделять внимание вопросу обеспечения продовольствием. Правда, в период с ноября 1941 года по февраль 1942 года значительное количество риса было импортировано из Таиланда и Французского Индокитая. Главное же в том, что нам досталось в качестве трофеев большое количество нефтепродуктов и нефтепромыслы на Суматре. Теперь Японии уже не грозит нефтяной голод, и мы можем получать горючее для флота и армии в необходимом количестве.

А теперь о грустном. У армейского командования после блестящих побед нашего флота разыгралась зависть, и оно рвалось в бой. Нашим генералам захотелось получить сразу все: Китай, Индию и Бирму. Они мечтали где-то на западных границах Индии встретить победоносные войска наших герман-

ских союзников и вместе с ними поделить огромный континент. Но хватит ли у них для этого сил? И, кроме того, Германия для нас – союзник ситуативный, национал-социалистическая идеология предусматривает в будущем исключительно господство лишь арийской нордической расы. А это значит, что после общей победы мы сойдемся в еще одной, окончательной схватке, которая и решит, кому из нас жить, а кому умереть. Доверия к таким союзникам нет и быть не может: японцы для Гитлера – всего лишь пушечное мясо и расходный материал в его войне с русскими большевиками и англо-саксонскими плутократами. Интересы Японской империи должны быть для нас на первом месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.